

О «СОВЕТСКОМ» И ПУТЯХ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ¹

Ю.С. Пивоваров
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Аннотация: В фокусе внимания автора — исторический генезис советского в российской социально-политической практике. Анализ природы процессов переустройства российского общества позволяет автору подвергнуть сомнению представлений о реформаторстве применительно ко многим так называемым «российским реформам». Автор предлагает альтернативный подход к пониманию российской социально-политической жизни: взгляд на нее сквозь призму формирования-разложения опрично-земских моделей организации власти и социума. Автор даёт ответ на ряд взаимосвязанных вопросов: какова природа сложившегося в России в постсоветский период политического режима? каковы причины сохранения и возрождения в этот период «советской субстанции»? каково соотношение русского и советского? какие средства и стратегии позволят излечить российское общество? В статье формулируются основные задачи нынешнего этапа политической трансформации России.

Ключевые слова: Россия, государство, реформы, революция, советское, Академия наук, свобода, опричнина-земство, власть, коррупция, десталинизация, новый руссвкий либерализм, конституция.

«Граждане, Отечество в опасности!»
А. Галич

Советское über alles

* * *

Все время в голове крутится любимое с юности, галичевское: «Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл! / Начал дело — так уж делай, чтоб не встал!». И ещё из этой футбольной песенки: «Я ему по-русски, рыжему: / «Как ни целься, — выше, ниже ли, — / Ты ударишь, я, б**, выживу! / Я ударю — ты, б**, выживи!». О чем это мы? — Да, об операции по фактическому уничтожению Российской академии наук. Когда, в самом конце июня тринадцатого года («вероломно, без объявления войны») власть напала на РАН, возмущению, обиде, непониманию не было предела. Началось общественное, в том числе и академическое, со-

¹ С любезного разрешения Ю.С. Пивоварова и С.В. Чугрова перепечатываются статьи Ю.С. Пивоварова, опубликованные в журнале «Полис» (См.: Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления. Статья 1–2. — Полис. — 2014. — № 1–2).

противление. В который раз за последние, с Болотной, годы страна показала: **у нас есть гражданское общество**. Последовали переговоры, первое лицо государства — насколько это известно — согласилось отменить наиболее одиозные и разрушительные для отечественной науки предложения анонимных авторов законопроекта. В какой-то момент показалось: пусть и с потерями, с пробоинами, но корабль Академии продолжит свой ход (ведь не за морями уже ее трехсотлетие; старейший российский светский институт!). — А затем между 11 и 17 сентября власть молниеносно разыгрывает комбинацию по «окончательному решению» академического вопроса. Все было сделано столь виртуозно, что от удивления и невозможности поверить во все это онемели уста и перехватило дыхание. Действительно, как-то сразу перестало хватать воздуха и глотку забило унижением. Опять грохнул Галич: «Ты, б**, думаешь — напал на дикаря?! А я сделаю культурно, втихаря: / Я, б**, врежу, как в парадной кирпичом!.. / Этот с дудкой не заметит ничем!».

Напомню, Александр Аркадьевич писал о футболе, «с дудкой», понятно, судья. В нашем случае «с дудкой», наверное, всякие там думы-советы-суды. Честно говоря, с молодых ногтей не испытывал такого бессильного унижения. Помню, как нас мальцов-первоклашек старшие переворачивали головой вниз и держа за ноги вытряхивали копейки, которые родители давали на чай и пирожки. Обидно было до слез, да и сдачи этим верзилам не дашь...

Впрочем, хватит всей этой «лирики». Что же произошло? — Ответу прямо: очередной, бандитский наезд на русское гражданское общество, осуществленный в особо циничных, издевательских формах. Мне возразят: да что вы, собственно, защищаете? У вас там, в Академии сплошное воровство начальства, остались беспомощные старики, неспособные на новые открытия, индекс Хирша чуть ли не отрицательный, да и вообще нигде и никогда в мире не было такой организации... Ну, да... А вот Петр Леонидович Капица утверждал, что во всякой стране должен быть институт, обладающий высшим моральным авторитетом. Так сказать, главный судья по социальным делам. В США — Верховный суд, в Англии — Палата лордов, у нас — Академия наук. А к кому обращался Александр Александрович Блок, прощаясь с Россией, свободой, жизнью? Кому в феврале 21-го, за несколько месяцев до смерти и уже охваченный страшной болезнью, кланялся на Сенатской площади? Пушкинскому дому Академии наук. «Вот зачем такой знакомый / И родной для сердца звук — / Имя Пушкинского Дома / В Академии наук». И у него связалось воедино: Пушкин, тайная свобода, Россия, Академия наук. — Или в советские годы: не Академия ли была оплотом мысли и свободомыслия, знания и просвещения?! Не из нее ли, в большей своей части, вышел цвет нации: инакомыслящие, правозащитники, диссиденты?! В 90-е же и нулевые (тощие, «голодные» для нее годы) не Академия ли разумно и сдержанно (т. е. ответственно) оппонировала нередко социально опасным действиям властей?!

Не важно под какими предлогами и под какими знамёнами идёт добивание Академии. Знаменателен сам факт: это подрыв традиционного фундамента русского гражданского общества, культуры, науки, вообще социальности. Вне всякого сомнения, для страны это — суицидальная акция. Но зачем? Почему? Где причины, корни всего этого непотребства?

Несколько лет назад я писал в нашем журнале, что главной характеристикой современной России является ее **советскость**. И пытался, вынужденно кратко, описать этот феномен (разумеется, не претендуя на полноту, всеохватность etc.). Так что не буду повторяться. Однако академический разгром побуждает меня обратиться к поиску корней **советского**, его генезису. Не скрою: часть этой работы писалась до **этих** событий, но в их свете, их контексте содержание становится яснее, определённое и — как бы это сказать точнее? — неотвратимее(?).

Вместе с тем мне, скорее историку чем политологу, всегда грозит опасность «впасть в ересь» объяснения современного через призму исторических «предопределенностей». И ко мне, наверное, можно обратиться строки поэта Юрия Кублановского (хотя он-то имел в виду великого Бродского): «Друг, я спрошу тебя самое главное: / ежели прежнее все — неисправ-

ное, / что же нас ждет впереди?». Замечу: дело здесь не в том, что прежнее — неисправное. Важнее другое — нынешнее неизбежно вырастает из прошлого. **Но это не так!** — Скажу трюизм: история процесс открытый, ее формирует свободная воля людей. Разумеется, наличествует коридор возможностей, рамки ограничений. Меня и интересует это последнее — возможности, ограничения. Их я в русском случае называю **советским, советскостью**. Забегая вперед, выскажу предположение — это (советское) уходит своими корнями в далёкое историческое прошлое.

О природе реформ и земско-опричном устройстве Отечества

Поскольку, повторю, содержание этой статьи постановлено в контекст того, что власть — вегетариански — назвала «реформой РАН», а на деле оказалось ее удушением, и начнём с выяснения того, что есть реформа и что не есть реформа, хотя полагается (властью, социальными группами) и «прикидывается» именно таковой.

Не все то, что делается по переустройству общества, можно квалифицировать как реформы. Реформой, видимо, следует считать такие действия, которые заключаются в решении вопросов, стоящих перед обществом, на путях расширения зоны свободы прежде всего индивидуальной, — и, соответственно, личной ответственности.

Смысл реформ-эмансипации заключается ещё и в следующем. Настоящая реформа не крушит наличный мир, а преобразовывает его, совершенствует. По своей природе она нацелена не на уничтожение каких-то, казалось бы, устарелых форм, а на развязывание возможностей для становления тех сил, что зреют в рамках этого мира. Иными словами, настоящая реформа создаёт институты и процедуры, в которых актуализируется скрытое в старых формах новое, потенциальное. Реформа — это упорядочивание новых возможностей, нового баланса сил и проч. Но именно здесь и таится опасность: широко раскрывая окно возможностей, реформаторы, вне зависимости от того, хотят они этого или нет, создают основу для новых конфликтов, новых противоречий, новых вопросов. И в этом смысле всякая реформа, всякая эмансипация — всегда и увеличение социальных рисков. Перефразируя известные слова Ленина, можно сказать: реформа порождает новые конфликты. То есть период свободы требует новой, более высокой цены за социальный порядок. Поэтому для проведения реформ необходимы социальное мужество и социальная ответственность...

При таком подходе деяния Петра Великого, к примеру, не подпадают под эту характеристику. Все те громадные новации, которые внёс в русскую жизнь этот человек, имели своим главным результатом дальнейшее закабаление населения России. И даже если признать за Петром — а мы признаем — заслугу в деле русского просвещения, то и это не отменяет главного результата его действий. Более того, трагическое несоответствие просвещения и крепостничества и стало основным взрывным элементом русской революции и гражданской войны. Причём социальная опасность одновременности просвещения и закрепощения не была преодолена даже Великими реформами.

Реформа — это всегда конфликт; повторим: настоящая реформа не уничтожает его. Но создаёт легитимные и эффективные процедуры протекания. Реформа — это политика осознанного принятия социальной конфликтности как фундамента для нормального, здорового развития общества. Реформа — это отказ от единственной и тотальной идеологии; отказ от принципа «кто не с нами — тот против нас»; отказ от понимания другого/иного как врага. Реформа — это то, что сегодня американский политолог Джозеф Най называет «soft power». Он говорит, что смысл soft power в том, что в ходе ее применения увеличивается количество друзей и уменьшается количество врагов. «Hard power» действует наоборот. Реформы — это также то, что Най квалифицирует как «smart power». Смысл этого последнего заключается в том, что настоящий реформатор всегда принимает во внимание позиции в обществе различных

социально ответственных сил, включая и противостоящие ему, способствует их усилению [Nye 2011].

Одним из заблуждений русского сознания является уверенность в том, что реформы может проводить власть и только власть. Нет, исторический опыт показывает: реформирование практически всегда есть дело рук и власти, и общества. Там, где общества нет — в том смысле, что оно еще не готово взять на себя часть бремени социальной ответственности, — реформы, даже блестяще задуманные и продуманные, не удаются. Пример: Михаил Сперанский. Его гениальный проект преобразований оказался не по плечу тогдашней России. И Александр I мгновенно и безболезненно свернул робкие начинания и громкие обещания. Оказалось, что Сперанский предложил России план «на вырост». А когда русское общество подросло, тогда оно в тесном союзе с властью и одновременно в жёстком противостоянии с ней реализовало план Михаила Михайловича.

Говоря сегодня о реформах как об эмансипации, мы не можем не затронуть вопроса о том, что является прямой противоположностью реформы, но в массовом сознании именно это противоположное нередко полагается высшим достижением русской цивилизации. Мы хотим сказать о трех персонажах, несомненно, любимых, нередко даже и бессознательно, многими русскими людьми. Это Иван Грозный, Петр Великий и Иосиф Сталин. Их обычно противопоставляют «гнилым и неудачливым» либералам-интеллигентам. Так вот, в нашем обществе усиливается убеждение, что высшие русские успехи — это всегда жёсткая, не щадящая никого, «варварская» модернизация. Причём варварство оправдывается одним потому, что «так было всегда и у всех», другими потому, что «с русскими по-иному нельзя». Главное — в том, что одержаны великие победы, создана великая страна.

Мы не будем полемизировать с ними. И для нас неважно даже то, что сразу после физического исчезновения этих людей все их великое почему-то рушилось. Нам эти люди и их действия важны, повторим, тем, что они суть не реформаторы и реформы, а нечто им противоположное, и что в результате этих действий трижды в нашей истории возникала по существу одинаковая и по существу тупиковая ситуация. При всем естественном различии исторических эпох, в которые действовали эти персонажи, они приходили к одной и той же социальной конфигурации. Мы бы ее назвали так: **опричнина-земство**.

Отказавшись от экспериментов Избранной Рады, поскольку они не обеспечивали усиления собственной власти, а, напротив, «демократизировали» социальный порядок (мы понимаем всю условность используемой терминологии), Иван IV придумал следующий механизм. Большая — в количественном отношении — часть страны живёт, вроде бы, как и жила: в рамках привычных, традиционных форм. А рядом создаётся новое общество, которое освобождено от этих форм и которому «все позволено». Таким образом, перед нами феномен расколотого социума, где одним велено изображать жизнь в старых ее формах, а другим дозволено делать с этой земщиной все, что захочется и что прикажут. По-своему такая расстановка сил выгодна, как это ни парадоксально, обеим сторонам. Она, на самом деле, воспроизводит властно-социальную диспозицию, к которой Русь привыкла, адаптировалась за два примерно с половиной столетия монгольского ига. То есть это **ордынский порядок, где в роли опричнины Орда, а земщины — Русь**. И когда мы сказали, что и земщине выгоден такой порядок, мы имели в виду то, что другой был и непредставим, и неизвестен.

Почему же он провалился? Иван Грозный не сделал главного шага — того, который удался его наследнику Петру. Он не придал этому сконструированному им расколу культурно-мировоззренческого антагонизма, который, кстати, предполагала классическая ордынская модель. С одной стороны, кочевая, языческая, затем мусульманская, по преимуществу тюркская Орда, с другой — земледельческая, христианская, славянская Русь. К концу же XVII столетия у Петра Алексеевича на руках уже были все козыри, полный инструментарий для конструирования этого самого культурно-мировоззренческого антагонизма. Причём, как и в случае с Иваном Грозным, новый ордынизации России предшествовал период «демокра-

тических» экспериментов другой Избранной Рады — «правительств» Федора-Софьи-Голицына. И потому этому будущему мореплавателю, академику и плотнику уже не надо было проводить самому «демократические» опыты, которые, ясное дело, вели всю систему к большей социальной плюрализации и расширению зоны свободы.

Два десятилетия Петр создавал новую опричнину, говорящую по-немецки, и новую земщину, которая, вроде бы, живёт по-старому — ведь никто не отменял Соборного Уложения его папы. Повторим: Петр учёл историческую недоработку Ивана Грозного. Он ведь хорошо помнил, как земщина разгулялась в начале XVII в. и, несмотря на усилия прадеда, деда и отца, в общем, для русских условий довольно вольготно гуляла до конца столетия. Петровская европеизированная опричнина хорошо знала и эффективно делала свое дело. Это было связано ещё и с тем, что и здесь Петр пошёл дальше своего великого предшественника (Ивана IV). Иван Васильевич, расколов правящий слой, не довёл до логического конца начатое. То есть не истребил поголовно не принятых в опричнину крупных, мелких и средних «феодалов», которые, как мы знаем, и учинили на развалинах грозненского орднунга «лихие нулевые». А Петр сделал все правильно. Сначала, в качестве социального предупреждения, он порубил головы «оппозиционерам», и, тем самым запугав и умирив правящее сословие, превратил его скопом в новых опричников. То есть заставил отречься от своего феодализма и от своей земской русскости (заставил их считать себя немцами).

Дело Петра простояло дольше, но в целом недолго. Не случайно русская история после смерти Петра называется постпетровской. Но для нас эта неслучайность другая, нежели общепринятая. Сразу после его смерти начался, по сути, хотя это и не было так заметно, другой период. Оказалось, что и петровская опричнина не столь крепка и, как ему хотелось, эффективна. Внутри ее мгновенно разгорелась свара, она раскололась на враждебные группировки и имела дерзость менять людей на троне. В конечном счёте доигралась до того, что получила свободу. И это было мщением Петру...

Схожим образом действовал Иосиф Виссарионович. Его опричниной, как мы понимаем, была верхушка советского общества, составленная из партийных, чекистских, хозяйственных номенклатурщиков. Им тоже было все позволено по отношению к той части общества, которая в нее не вошла. Никаких ограничений не существовало. Советской же земщине дали все, чтобы она считала себя самой счастливой: и лучшую в мире конституцию, и лучшее образование, и самую справедливую систему социальной защиты, и бесплатное жилье, и поразительно комфортное оптимистическое мироощущение. Разумеется, поскольку в этот раз земщина была так щедро облагодетельствована, сталинская опричнина — орда — для того, чтобы ей самой существовать и дальше (заметим, в русской истории земщина всегда могла существовать без опричнины, а наоборот — никогда), — была вынуждена ввести некоторые ограничения/изъятия. Так, табуизировалось любое кроме утверждённого на сегодня мировоззрение (здесь очень важно «на сегодня»: верность тому, что было «на вчера», квалифицировалась как смертное преступление). Временно, до момента окончательной победы коммунизма, отменялись все права человека. И даже те, которыми ему разрешали пользоваться, он мог пользоваться только по разрешению. Навсегда отменялись выборы. Но здесь иного и быть не могло: ведь в социалистическом обществе не было антагонистических противоречий — значит, не было и конфликта интересов. Впрочем, мы не будем дальше перечислять те небольшие ограничения, которые, повторим, была вынуждена ввести сталинская орда-опричнина. Удивляет лишь одно: что этот творец нового, небывалого так много восстановил в русской жизни старого, привычного. В первую очередь, конечно, крепостное право для крестьян. А во вторую, для горожан.

Приметой сталинского орднунга было то, что он, подобно Петру, который учёл недостатки эксперимента Грозного, учёл недостатки эксперимента Петра. А у Медного всадника они были существенными. Он ведь, в лице своих опричников, ввёл Россию в Европу, а опричники — они тоже ведь люди — подверглись тлетворному влиянию Запада, что привело

к тому, что они стали как-то остывать к своему основному предназначению и все больше увлекаться идеями, стишками, — в общем, всей этой разлагающей русского опричника «материей». Сталин, хотя и говорят, что у него одна рука была повреждена, быстро и властно самолично опустил железный занавес. И, надо признать, сталинские и даже большинство послесталинских опричников оказались вне сферы тлетворного влияния Запада.

Далее. Сталин понимал, что настоящим, подлинно боевым и соответствующим эпохе модерности опричником нельзя быть в нескольких поколениях. Сомнителен уже сын опричника — тем более, внук. Почему-то инерционно не удерживается главное предназначение опричника — бороться с врагами России (сталинского СССР). А вот Петр этого не знал и однажды, создав касту опричников, дал ей социально-физиологическое право плодить опричников во многих поколениях. Конечно, этот петровский недосмотр не мог ни привести к вырождению опричного начала. Но Сталин понимал, что даже один человек в течение всей своей жизни не мог быть всегда опричником — несколько лет мог, а потом нет. И он ввёл практику постоянного уничтожения опричных кадров с целью обновления и усиления опричного потенциала (знаменитое кагановичевское: «мы снимаем людей слоями»). И надо сказать, этот новаторский для мировой истории приём принёс небывалые плоды. Режим сталинской опричнины доказал свою полнейшую эффективность в решении тех задач, которые ему ставились, прежде всего в отношении земщины.

Однако Сталин пошёл ещё дальше. Он многократно сообщал земщине, и следовал этому сообщению, что кадры будущей опричнины рекрутируются из земщины, а не из рядов нынешних опричников. Тем самым он сделал свою опричнину общенародной. Теперь каждый советский человек в принципе мог стать опричником. К сожалению, он не учёл двух обстоятельств (но в оправдание скажем, что их и невозможно было учесть). Первым обстоятельством стала война, в условиях которой непрекращающийся и прогрессивный по своей исторической сущности процесс обновления опричничества стал невозможен. Сталин, как трезвый государственный стратег (это А.И. Солженицын о нем; не верите? да вот ссылка [Солженицын 1998: 137]), отказался на время войны, в отличие от Гитлера, вести войну на два фронта — с фашизмом и своим народом. Он сосредоточил все силы на борьбе с фашизмом и в этой войне победил. И начал проигрывать в борьбе со своей же опричниной, а поскольку каждый советский человек являлся потенциальным опричником, — то и со всем советским народом.

Второе обстоятельство — это его смерть, которая до конца обнажила антагонистическое противоречие сталинской конструкции опричнины. Соотношение «Сталин-опричник» было таковым: вечный Сталин и опричник на краткий исторический миг. Но оно было заморожено, пока он жил. Когда он умер, началась оттепель. Опричники решили тоже стать вечными. И всё — сталинская система была обречена.

Подведём итоги. Все три опричные системы обязательно гибнут после смерти своих демиургов. Но какой-то исторический период они существуют в более мягких, размытых формах. Выход из этих исторических тупиков бывает различным: через Смуту и искания XVII в. — к возвращению к опрично-земской модели; через Великие реформы и трагедию революции — к новой опрично-земской модели и вот ныне — то, что перед нашими глазами — процессы, соучастниками которых мы являемся. Чем это закончится, неизвестно.

Есть ещё три вещи, о которых необходимо сказать. Опрично-земская система в России не случайность, но историческая традиция. Опрично-земская система недолговечна и заканчивается либо крахом, либо попыткой перейти к какой-то иной модели. Возвращение к опрично-земской системе в условиях современного мира представляется маловероятным. Если же попытки будут предприняты, то, по всей видимости, они закончатся небывалым историческим поражением, поскольку принципы этой системы полностью несовместимы с вектором мирового социального развития. Кроме того, эти попытки столкнутся с фундаменталь-

ным сопротивлением в самом русском обществе, которое, как представляется, переросло эту конструкцию и вполне готово к социальному творчеству и реформам.

А теперь немного истории...

***В скобках: буквально несколько слов о генезисе
русско-опричного ордунга***

Как же происходило его формирование? — Об этом весьма убедительно пишет современный отечественный историк Н.С. Борисов. «Со времён Ивана Калиты московский князь играл роль общерусского «сельского старосты». Орда возложила на Даниловичей обязанности по сбору дани, поддержанию повседневного порядка и организации разного рода «общественных работ», главным образом, военного характера» [Борисов 2011: 8]. Вообще-то должность общерусского сельского старосты была многотрудной, но в то же время исторически благодарной. Поскольку был приобретён бесценный опыт. «Великий князь Владимирский отвечал перед ханом за все, что происходило в «русском улусе». Он имел множество недоброжелателей, завистников и клеветников. Остерегаясь козней врагов, он должен был быть всегда начеку, иметь надёжную охрану и не жалеть средств на разведку. (Представляю, с **каким пониманием** прочли бы эти строки позднейшие русские правители. — Ю.П.) Однако всякий труд предполагает вознаграждение. Даниловичи уже в силу своего первенствующего положения получили ряд преимуществ перед другими князьями. Через их столицу шли «финансовые потоки» — дань в Орду со всей Северо-Восточной Руси. Они имели исключительное право на аудиенцию у хана и, пользуясь этим, могли устранять своих соперников руками татар. Эти две привилегии великие князья охраняли как зеницу ока» [Борисов 2011: 9]. Автор подчёркивает: «В роли «общерусского старосты», назначенного Ордой, московские князья... накопили большой организаторский опыт, научились добиваться неуклонного исполнения своих требований, наладили обширные личные и династические связи. Весь этот сложный механизм до поры до времени работал в интересах и на благо Орды [Борисов 2011: 9].

Но вот пришли иные времена. «Ослабление Орды, начавшееся после кончины хана Джанибека (1357), поставило московских князей перед нелёгким выбором. «Приказчик» вдруг остался без «барина». Собирать дань уже было незачем. Москве приходилось выходить из ордынской тени и начинать свою собственную игру» [Борисов 2011: 10]. И далее: «Московские князья могли либо смиренно «отказаться от должности» и вернуться на положение рядовых членов княжеского сообщества, либо использовать находившийся в их руках отлаженный татарами механизм великокняжеской власти для собственных целей?» [Борисов 2011: 10]. — Как мы знаем, был избран второй путь. Приказчик сам стал барином. Ханская ставка была перенесена в Кремль (Г.В. Федотов). С этого момента (рубеж XV–XVI в.) отлаженный татарами механизм великокняжеской власти заработал на нового хозяина, т. е. на самое себя. Соответственно, потребовалось и создание новой орды, уже русской, православной. Ведь «барина» без орды не бывает. Вопрос теперь стоял только в формах реализации барина-орды. Как только очередной вариант ослабевал, начинался кризис (смута). В результате разрешения которого **всегда** являлось на свет новое издание орды (барина).

...И буквально несколько слов о понимании опричнины.

Ода в прозе Александру Зимину

Лучший русский историк второй половины XX столетия А.А. Зимин в своей замечательной книге «Опричнина» ищет и находит истоки этой самой опричнины. Их три: добить удельщину князя Андрея Старицкого, полностью подчинить Новгород и, говоря современным языком, окончательно этатизировать церковь. Ивану IV (по Зимину) это удаётся. Но последняя фраза исследования звучит так: «Россия стояла в преддверии грандиозной крестьян-

ской войны...» [Зимин 2001: 286]. Получается как раз обратное: Ивану Грозному ничего не удалось. В начале XVII столетия налицо была не удельщина, а полный развал Руси. Не отличный от Москвы Новгород, а Новгород, ушедший добровольно под шведов. Не церковь под государством, а церковь в лице Гермогена как единственно русский голос. Тиран-преобразователь потерпел полное поражение...

Да нет, конечно, он победил. А.А. Зимин был единственным легитимным — и в научном, и в моральном смысле — наследником русской историографической традиции. Однако ни он, ни его учителя не учли в русской истории главного. Причём традиция была ещё «молода» и ничего не «знала» про русскую революцию, а Зимин, видимо (это предположение), по каким-то неизвестным для меня причинам экзистенциально не пережил второго в XX в. великого русского исторического события, — войны. Ее смысл для русских был не в победах или в поражениях («но пораженья от побед ты сам не должен отличать»), а в реставрации, т. е. в восстановлении русской жизни.

Во Франции реставрация победила революцию после окончательного поражения Наполеона. Поскольку Наполеон, а не Робеспьер, был настоящей революцией. **В России реставрации не произошло, но в ходе великой войны мы приступили к изживанию революции.** Настоящей революцией в России явился Сталин, а не Ленин. Ленин, подобно Робеспьеру, был отброшен историей. Как говорил Троцкий, на свалку истории.

Вот этого, как мне кажется, не учёл великий русский историк А.А. Зимин. Он пытался понять XVI век, преодолевая «феодализм», «классовую борьбу», «централизацию» и, как сказали бы сегодня, формирование территориальных политий. Но историю нельзя понимать, как ее понимают профессиональные историки. Ее просто невозможно понять так, как ее понимают профессиональные историки. По одной простой причине. И эту причину назвал не историк, а стихотворец: «История не в том, что мы носили, а в том, как нас пускали нагишом».

А.А. Зимин — единственный, кто прочёл русскую историю глазами свободного русского, оставшись в рамках тоталитарного советского. Величие его именно в этом, поскольку ему это удалось. Только ему, одному ему. Те из его современников, кто вышел за рамки советского, были вынуждены оказаться за пределами науки. Так вот, А.А. Зимин положил всю свою вдохновенную жизнь на попытку понять первую половину фразы Б. Пастернака. Он, увы, как мы уже сказали, не имея экзистенциального опыта реставрации (в отличие от Шатобриана и Бенжамена Констана, породивших две основные ветви современного мышления — консервативное и либеральное), отдал свой гений выяснению отношений с Беляевым, Чичериным, Ключевским, Платоновым, Покровским, Лешковым, Тихомировым, Скрынниковым и т. д. Подобно им, он думал, что найдёт корни и объяснения опричнины в тщательнейшем прочтении грамот и прочих документов той эпохи. Он был, конечно, громадный талант — и советский человек. Изучение ростовских князей не привело его к пониманию эссенции русской истории, экзистенциальному ее осмыслению.

Здесь мы скажем прямо и грубо. У нас, русских, есть потребность только в этом. Если археологические, архивные, историографические «революции» не ведут к этому, не являются поводом для этого, то все их содержание сводится к... А.А. Зимин — ещё раз скажу, — лучший советский историк — ничего об этом не знал. Он поразительным образом дышал воздухом архивов, а не истории.

Так чего же не учёл А.А. Зимин? Главного: опричнина не была против Новгорода, против уделов и даже против церкви. Опричнина не была против боярства, против государственных измен, против примитивного западного влияния. Она вообще не была против; она была за. За что? Она была не способом формирования русского централизованного государства; она была великим реставрационным зачином воссоздания ордынского ордунга в моей и А.А. Зимина стране. В ходе этой реставрации сформировалось не централизованное русское государство, а безотказно-безответственная технология по эксплуатации населения и природы нашей страны. Никакого иного смысла опричнина не имела. Новгород, Андрей Стариц-

кий и даже церковь — это «мелочёвка». Их можно было задушить с помощью технологий дедушки — Ивана III. Здесь игра шла по самому высокому счёту. На кон была поставлена, говоря выпендренно, судьба России. И, к чести России, она сказала И.В. Грозному: «Нет!».

Смута, которую проклинали все мыслящие русские люди, стала великим опытом противостояния реставрации ордынско-грозненского ига на Руси. Смута — это подвиг русских в борьбе за свое христианское, арийское бытие. Арийское только в одном смысле: мы — европейцы. Мы не между Европой и Азией, Европой и Евразией. Мы — европейский народ. Как это связано со Смутой? Да прямо. Если мы сами способны были только на ордынскую власть, — пусть придут европейцы, шведы и поляки. Смута — это по негативу наш европейский выбор. Именно поэтому она так ненавидима адептами «централизованного государства».

Но А.А. Зимин не мог этого знать. У него не было этого, повторю, экзистенциального опыта, содержание которого в следующем. Русские в очередной раз (по крупному — во второй) победили европейцев. И что же? Русский ум, русская энтелехия поняли это, как всегда, по-своему. Мы одолели «немца», который со времён Петра правил нами триста лет. Так значит мы не хуже немцев. И после этого начал разлагаться советский панмонголизм и формироваться русский европеизм.

Итак, Иван Грозный полностью уничтожил то, что сделал его дедушка. Вернее, то, что приписывается его дедушке. Собственно говоря, между дедом и внуком такое же историческое соотношение, как между Лениным и Сталиным. Это неожиданное даже для меня самого сравнение не столь необязательно, как это может показаться на первый взгляд. Я усилию: Иван Грозный — настоящий генсек в «правительстве» предсовнаркома Ивана III. То, что у дедушки было интенцией, у внука стало главным. Как говорил ленинградский поэт Бродский — «рзззз». А ленинградский кэзэбэшник Путин — «мочить».

Чтобы понять опричнину Грозного, А.А. Зимину надо было понять опричнину Сталина. Но и мы не поймём того режима, который складывается сегодня, если повторим опыт великого советского историка А.А. Зимины. И этот опыт говорит нам только одно: хотите понять современную Россию, вспомните сталинизм, петроградизм (выражение Герцена) и грозненский ордунг.

«...И тех же эр сопоставлень»

Ну, коли мы для понимания советского забрались в такую историческую глубину, предлагаю ещё поисторисофствовать. Напомню: это любимое, наряду с морализированием, русское занятие.

И хотя, вроде, полностью разоблачено строгой и трезвой наукой XX столетия и для современного ума относится скорее к алхимии, чем химии (вспоминается: Эрнст Юнгер, блистательный и безответственный немецкий гений, пронзительно заметил, что, чем крупнее химик, тем больше его тянет в алхимию), мне кажется, что ещё не все резервы исчерпаны. Для — «understanding Russia». Уж, больно, странная и загадочная, необъяснимая (привычным рациональным знанием) и противоречивая (не в смысле традиционной диалектики) судьба нашего племени (иронизируй над тютчевским приговором, не иронизируй...).

К примеру, ведь согласны же мы (профессиональные исследователи) с основополагающим выводом социальной науки: история не повторяется, история не ходит по кругу, история — это развитие. А посмотришь на русскую и ахнешь от недоумения...

Поразительным образом история Советской России повторила — типологически, ритмически — историю России дореволюционной, Московско-Петербургской — от начала XVI в. до начала XX в. Как родилась Россия на рубеже XV–XVI столетий? Путём освобождения от двух зависимостей: белого монгольского царя и константинопольской патриархии (здесь, в этом контексте, несколько десятилетий несовпадения не очень-то и важны). Так же

родилась и Советская Русь: путём эмансипации от белого немецкого царя (это, кстати, не игра в слова; в международном обиходе правящая династия именовалась «Голштейн-Готторп-Романовы»; причём двойная немецкая составляющая была впереди русской), а также двух «духовных» зависимостей — петербургско-протестантского Синода и мирового интеллектуального мейнстрима (включая марксистский).

Как созидалась Московия и Петербургская империя? — Для решения своих задач власть формирует сословно-профессиональные группы и по очерёдности формирования закрепощает их. Эта очерёдность была следующая: дворянство, крестьянство, посадские люди; по сути было закрепощено и духовное сословие. Такой порядок нашёл свое полное и законченное выражение (оформление) в Конституции 1649 г. Фактически эта Конституция действовала до эпохи реформ Александра II. Петр (и т. д.) и Сперанский, независимо от их личных стремлений-побуждений, лишь несколько модернизировали ее. Правда, существенным изъятием из первой романовской конституции был указ Петра III, того самого Голштейн-Готторпа, о вольности дворянства 17.02.1762. (Видимо, в порядке благодарности эти самые дворяне и прикончили его через несколько месяцев. Так сказать, провели обряд инициации. Это типологически похоже на то, что Русская История сделала с лишними людьми: каталог прав, за которые они боролись и которые полностью обрели к марту Семнадцатого, был зафиксирован в советской Конституции 1918 г. как список законодательно закреплённых поражений в правах.)

Теперь от Московии-Петербургии перейдём к Совдепии-Московии. Группа Ленина, в той или иной степени контролируя Петроград, Москву, ряд губернских городов и промышленных центров, подпитываясь энергией разложения традиционных институтов и воюющей армии, заявив о своих глобальных претензиях, начала создавать РКП (б) — ВКП (б) и его дочерние предприятия за рубежом (Коминтерн). Подчеркну: не РСДРП (б) и не КПСС, а именно РКП (б) — ВКП (б). И это новое верхнее сословие новая власть закрепощает первым. Они обязывались служить всю свою жизнь и только служба давала им привилегии. Причём главной привилегией было распоряжение жизнью других. Взамен власть брала на себя распоряжение их жизнью. Было создано принципиально новое в мировой истории правящее массовое меньшинство, которое получило важнейшее из всех на земле прав, тут же, естественно, ставшее обязанностью — распоряжение человеческой биологией. Имею право (обязан) съесть тебя, а могу (пока) и не есть. Большевики густо взбили свою биолого-политэкономократократическую сметану. В этом смысле нацисты — близкие им люди. Но большевики последовательнее и шире. Ведь арийские головорезы загодя заявили, кого будут есть. Большевики же оставили этот вопрос открытым: съесть могут всех. Вот это право-обязанность «съесть» и было дано взамен обладания собственностью. Первое в русской истории верхнее сословие бессобственников стало также первым сословием людоедов. Бартер, так сказать. Исторический компромисс, как учили Ленин и итальянские еврокоммунисты.

После кончины тов. Сталина его наследники отказались от права (обязанности) распоряжения жизнью правящего крепостного сословия и, разумеется, лишили и его этой право-обязанности. Мыкита отменил крепостное право номенклатуры и она отблагодарила его традиционным способом — (политически, слава Богу политически, а не как Петра III физически) убила его. И тут же власть и верховное сословие перешли от преимущественно внеэкономического управления (потребления, распоряжения) страной к экономическому. Причём готовились и власть, и верхние к этому давно. Ещё хозяин жив был, а они уже — в предвкушении — переименовали себя в КПСС. И, кстати, реализовали впоследствии предвидение своих классиков о двух фазах социализма-коммунизма. В послесталинский, хрущевско-брежневский период они осуществили «низовой» принцип — «от каждого по способностям, каждому по труду». т. е. они (не «мы», «нас» здесь вообще не стояло), каждый как мог, отдавали себя Системе и получали от нее по тому, как она это оценивала. Иначе говоря, Власть-Система различными способами регулировала меру потребления (разграбления, воровства). Вто-

рой период — это коммунизм номенклатуры; он наступил в результате и в ходе горбачевско-ельцинской перетряски. Был, наконец, осуществлён великий принцип — «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Экс-номенклатура в союзе с комсомольско-бандитской молодёжью получили (получают) по потребностям. Последние, как известно, границ не имеют. При этом опять же в соответствии с надеждой их классиков, произошло отмирание государства. Коммунизм же! И уже никто (Власть-Система) не регулирует меру потребления (разграбления, воровства). Могут мне возразить: так было при пьющем Борисе Николаевиче, но при трезвом Владимире Владимировиче Власть-Система вернула себе субъектность. Пожалуй, соглашусь. Субъектность нынешней Власть-Системы напоминает мне субъектность ГАИ в идеально-отлаженном автомобильном движении российских крупных городов. И не только субъектность, но и эффективность, мотивированность и авторитет.

...А то, что коммунистический принцип осуществился для немногих, не должно нас деприми́ровать². Ведь и Запад в середине века отказался от руссоистского понимания демократии как прав и возможностей для всех. На смену пришла элитистская демократия [Шумпетер 1942]. Она трактует всякие там разборки и сотрудничество «элит». Нас же с вами объявляет «аполитичной глиной» (Р. Даль).

...Но вернёмся к верхнему советскому слою. Большевики поняли (скорее не умом, а инстинктом) недостаток прежнего московско-петербургского устройства. Он заключался в разделённости функций управления и духовного окормления, в разделённости дворянства и церкви (и даже некоторой их антагонистичности). РКП (б) — ВКП (б) явилась своеобразным «снятием» этого противоречия. Новое сословие получило в полное владение тела, умы и души наличного населения.

Соответственно традиции после РКП (б) — ВКП (б) последовало создание — закрепощение крестьянства (1929–1933 гг.). Народ все понял правильно, когда расшифровал ВКП (б) — Второе Крепостное Право (большевиков). За колхозниками пошли горожане (ранее — посадские). Режим обязательной прописки и обязательного проживания по адресу прописки был дополнен в предвоенный период рядом нормативных актов, закрепощавших жителей города предприятиям, на которых они работали, и лишавших их права перехода на другие (не правда ли узнаваемый исторический «дизайн»?)

Римейком же Конституции 1649 года была Конституция 1936 года. У этих «основных законов» один и тот же внутренний стержень и *esprit* (или, по крайней мере, близкий). С одной стороны, Уложение 1649 г. всех закрепощает, а, с другой, делает равными. Все равны, но не перед законом, как это со временем устроилось в Европе, — перед властью. И равны в своем бесправии. Когда-то С.Ф. Платонов, крупнейший русский историк начала XX столетия, припечатал петровский режим — «равенство всеобщего бесправия». Это же в полной мере относится и к тому, что сотворил папа Петра, Алексей Михайлович. И вот на основе этого эгалитарного бесправия власть даёт гарантии — обратим на это внимание — неравного жизненного минимума. Не в прямую, конечно. Однако подразумевалось: соблюдение установленных наверху правил обеспечит какое-никакое выживание. Нарушение их смертельно опасно. — В этом была слабость московско-петербургской системы: равенство в бесправии, но неравенство в потреблении. Здесь надо подчеркнуть: «равенство в бесправии» перед властью, а не в отношениях между сословиями; там равенства, понятно, не было. Это важная, однако иная тема. Мы ещё коснёмся ее. — Эта слабость исторически прости́тельна (русской власти). Она отражала всеобщую бедность. Ресурсов на всех не хватало. Потом власть всегда думала так, как говорил ее поздний *speaker* Виктор Степанович: «Кто сказал, что давать надо всем»³.

² От нем. — *deprimieren*; я бы вольно перевёл этот глагол так: «опускать».

³ 24 августа 2009 года слышал по телевизору ответ русского народа В.С. Черномырдину. Он прозвучал из уст какого-то хитроватого зауряд-чиновника (разбойного, впрочем, вида): «У нас нет не дающих, у нас есть плохо просящие». И это тоже «правда-матка» русской истории. Разумеется, она не «отменяет» общей бедности, не-

Большевизм стал попыткой преодоления этих самых недостатков, противоречий, слабостей московско-петербургской системы. Во второй раз (не сомневаюсь, в последний) русский народ решил устроить свою судьбу на тех же, но идеально выправленных, основаниях. Это — **сознательный** отказ от движения в сторону свободы и права, т. е. отказ от исторической субъектности, и **сознательный** выбор рабства в обмен на более или менее равный минимум потребления (за это последнее соглашались даже — в принципе — жертвовать жизнью; лучше, конечно, чужой, но обернулось для миллионов своей). Да, это было во многом обусловлено бедностью природных условий (не устану повторять это; все разговоры о нашем **потенциальном** богатстве — сплошной разврат; русская история проходит в суровых климатических и т. п. данностях).

Итак, повторим, РКП (б) — ВКП (б) играла роль дворянства и церкви. т. е. реализовывала две важнейшие социальные функции — управленческую и сотереологическую (разумеется, в секулярном варианте). Колхозное крестьянство по сути вновь прошло путь своих предков — крепостных общинников. Иными оказались судьба, роль и функции горожан. Хотя возникновение и предназначение городов и в московско-петербургской, и в советской системах было очень похожим. В первом случае города строились как военные форпосты, крепости, а также инструменты и опорные пункты колонизации завоёвываемых пространств. Во втором — как военно-индустриальные центры и опорные пункты уже завоёванного пространства.

Разница же заключалась в том, что советская система, независимо от того, хотели этого ее творцы или нет, оказалась для России способом перехода от крестьянской цивилизации к урбанистической. И потому роль горожан (городского «сословия») была здесь гораздо важнее, чем в предшествующей системе.

Что касается Конституции-36, то в ней большевики действительно преодолели противоречие Конституции-49: было достигнуто полное (насколько это вообще возможно) равенство в бесправии. — Хотелось бы обратить внимание на то, что это равенство в бесправии носило как положительный, так и отрицательный характер. Например, для всех отменялось право выбора (речь, конечно, идёт не об институте сталинских выборов, а о выборе как основе свободной социальной жизни). Но для некоторых групп населения это равенство носило и положительный характер. Так, была ликвидирована категория «лишенцев» — одна из важнейших составляющих советского общества первых двух десятилетий. Представители бывших «эксплуататорских классов» уравнивались в правах (в бесправии) с представителями новых советских «классов». Или, говоря политологически, «опущенных» (бывших) подняли до «честных фраеров» (новых).

И одновременно законодательно декларировалось равенство в потреблении. Конечно, это равенство носило зачаточный характер — принцип «каждому по труду», но объявлялось переходным к ситуации полного равенства — «по потребностям».

Подобно московско-петербургской системе советская, достигнув высшей точки крепостничества и бесправного равенства, начинает двигаться в другую сторону. В тот момент, когда РКП (б) — ВКП (б) переименовывает себя в КПСС, начинается эмансипация этого сословия. И в этом смысле Маленкова можно сравнить с Петром III, а Хрущева — с Екатериной II. Кратковременные правители запускают этот процесс, а их «долгоиграющие» сменщики реализуют его содержание. В эпоху между Петром III и Николаем I (1762–1825 гг.) происходит становление дворянского сословия как особого культурно-исторического типа. И одновременно социально-культурной основы для будущих эмансипационных процессов. В хрущевско-брежневский период (1953–1982) формируется номенклатурное сословие также как

хватки ресурсов. Просто надо уметь попросить и — дадут. Ведь наша власть (и мы с ней) не только папа и Лютер в одном лице (по известному выражению), она (и мы с ней), как говаривал по другому «поводу» любимый герой русского народа И.В. Сталин, «полумонашенка-полублудница».

особый культурно-исторический тип, в недрах которого начнутся новые эмансипационные процессы.

Схожим образом решались и крестьянские вопросы. В 1861 г. крестьян освободили, но оставили в рамках общины; в целом они так не обрели правосубъектности; выход из общины был существенно затруднён. После первой русской революции и в ходе столыпинских реформ крестьяне получили и право на выход, и правосубъектность, и паспорта с фамилиями. Маленковская реформа 1953–1954 гг. освободила крестьян от крепостничества, но оставила в колхозах; фактически отсутствовало право выхода, была ограничена правосубъектность, не было паспортов. Брежневско-косыгинские реформы второй половины 60-х годов принесли крестьянам право выхода, полную правосубъектность, паспорта (правда, только в 1974 г.).

Совершенно другая участь ждала советских посадских. В хрущевско-брежневский период это была количественно преобладающая социальная группа и от ее судьбы зависела судьба всей системы. Точнее, ее будущее или то, что будет после этой системы. Поскольку именно те процессы, которые шли в этой среде: а) сгубили эту систему, б) не дали возможность восстановить ее. Следовательно, эволюция сословия советских посадских является ключом к пониманию того, что случилось в России в последние десятилетия XX в.

Поначалу все было не так плохо (для Системы). Пришедшие в город миллионные массы (что-то схожее с овладением Рима варварами; кто только не упражнялся на эту тему, а для А. Тойнби — она одна из важнейших; и тем не менее ещё раз скажем: варвары вошли в Рим; «скифский праздник на берегах Невы» — припечатал революцию сразу все понявший О. Мандельштам) принесли с собой традиции и стереотипы поведения первичной для них передельно-общинной формы существования. Но и сверху, «хозяева», «РКП (б) — ВКП (б)», так же во многом представители этого жизненного уклада, начали обустривать новое городское существование по привычным лекалам. Жизнь в многолюдных коммуналках и бараках (о них почему-то вспоминают меньше ностальгирующие по всему этому пожилые индивиды; а ведь бараки стояли повсюду, даже в центре Москвы; у меня был дядя, участник войны, израненный и измученный к сорока своим годам, который с семьёй (двое детей) вольготно помещался в восьмиметровой комнате вместе с семьёй сестры жены (тоже двое детей); от коридора их комната отделялась тончайшей стенкой, каждый шорох был отлично слышен, во дворе колонка с водой и удобства деревенского типа; барак находился в двухсот метрах от только что выстроенной гостиницы «Украина»; большая часть людей, проживавших в бараке, были из одной деревни и работали на фабрике «Сакко и Ванцетти»; далеко за околорабочные окрестности, как правило, они не выходили; Москву не знали совсем, к городской жизни по сути отношения не имели; их локальный крестьянский мир был перенесён в Москву и лишь их дети, рождённые в 50-х в каком-то смысле стали горожанами), работа в многолюдных, «массовидных», как сказал бы Ильич, коллективах (заводы, фабрики etc.), обязательное участие в массовых акциях (демонстрации, митинги, физкультура, детсадовско-пионер-комсомольское начало) — сформировало нового человека русской истории, основу «советского народа — новой исторической общности» (Леонид Ильич; а скорее кто-то из его либерал-коммунистических холуёв — по англ. «спичрайтеров»): **парохиально-массового человека**. Который пришёл на смену парохиально-локальному человеку.

«Массовый» означает принадлежность к «массовому обществу», урбанистическому типу социума XX столетия. Большое или массовое общество, *Gesellschaft*, пришло на смену локальному, *Gemeinschaft*, общине. Массовый человек Запада имеет подданнически-активистский характер⁴, «наш» сумел сохранить парохиальный. Еще раз: «мы» в результате советских преобразований получили массово-парохиального человека. И если бы этот тип не эволюционировал, не менялся бы, стоял бы и стоял СССР в веках. Никакие бы внешние

⁴ Это термин Г. Алмонда. «Подданнический» (от англ. *subject*) — значит принадлежность к авторитарному обществу (и политической культуре); «активистский» — к современному либеральному, «открытому» обществу.

(США, НАТО, жидомасоны) и внутренние (диссиденты, стилиаги, жидомасоны) враги ничего бы с ним не поделали...

Все начало ломаться в прекрасных (после 1953-го) пятидесятых. А в шестидесятых-семидесятых пошло-поехало. Массовое жилищное строительство с отдельными квартирами, довольно широкая возможность получить за городом клочок земли и построить незамысловатую дачу, чуть позже индивидуальный («диким путём», образом, как тогда говорили) отдых, включая туризм в маленьких, своих, тесных компаниях, постоянно — несмотря ни на что — увеличивающаяся покупка личных автомобилей и проч., и проч. привели к своеобразному советскому *privacy*. Возник новый личностно-приватный мир, включающий в себя элементы выбора, свободы, повышенных стандартов потребления (причём не только материального характера). Появление миллионов и миллионов подобных людей означало смертельный приговор Русской Системе в ее коммунистическом изводе.

Демографический взрыв в русской деревне во второй половине XIX — начала XX в. снёс царский режим. Не успели, не сумели справиться с его негативными влияниями и последствиями. Хотя усилия предпринимались героические и весьма эффективные. Коммунизм снесли «демографический взрыв» в городе (здесь взрыв был в основном обеспечен, повторим, переселением из деревни) и формирование массового частного русского в новых русских городах. И на этот раз власть пыталась остановить, купировать опасные для нее тенденции, но оказалась вновь неспособной.

К счастью для русской истории, массовый городской частный человек на руинах коммунистического порядка начал не «войну всех против всех», а довольно рутинную новую жизнь, скорее похожую на элементарное социобиологическое выживание, чем на бессмысленный и беспощадный бунт. **В этом главный наш шанс** (профессиональных патриотов прошу не обижаться; шанс, и весьма неплохой, у нас есть)...

Вдогонку поговорим немного о сходстве верхних сословий в московско-петербургской и советской системах. Ю.М. Лотман писал: «Дворянство Московской Руси представляло собой «служилый класс», то есть состояло из профессиональных слуг государства. Их... труд оплачивался тем, что за службу их «помещали» на землю, иначе — «верстали» деревнями и крестьянами. Но ни то, ни другое не было их личной и наследственной собственностью. Переставая служить, дворянин должен был вернуть пожалованные ему земли в казну» [Лотман 1994: 18]. — Разве это не схоже с судьбой номенклатуры? Разве не условно было все их обладание привилегиями, которые также не были их «личной и наследственной» собственностью. «Переставая служить», и номенклатура теряла львиную долю «пожалованного» ей на время.

И также как в определённый исторический момент дворянство получило земли и крестьян в наследственное владение, так и номенклатура в свой час обрела себе в собственность то, чем она ранее лишь временно пользовалась и распоряжалась. Для московско-петербургской системы это была эпоха Петра III — Екатерины II, для советской — эпоха самого ее конца и начала постсоветской. т. е. если в первом случае пришлось пожертвовать всеобщей гармонией службы, что было *raison d'être* системы, и, тем самым, обрекло ее на эволюцию-эмансипацию с параллельными усилиями по консервации, то во втором — пришлось пожертвовать самой системой.

И ещё одно соображение Ю.М. Лотмана. «Культурный парадокс сложившейся в России ситуации состоял в том, что права господствующего сословия формулировались именно в тех терминах, которыми философы Просвещения описывали идеал прав человека» [Лотман 1994: 40]. Но и горбачевско-ельцинская номенклатурная революция шла под лозунгами прав человека, правового государства, права частной собственности и т. д. И в том, и в другом случае верхние слои эгоистически узурпировали права всех и права для всех.

А вот умные и глубокие наблюдения Шейлы Фицпатрик. «Главное свое значение в советском обществе классы имели для государственной системы классификации, определяю-

щей права и обязанности различных групп граждан. Вот ещё один парадокс: всячески подчёркивая идею классовой принадлежности, новый строй умудрился *de facto* вернуться к прежней, столь презируемой сословной системе, при которой твои права и привилегии зависят от того, кем ты официально считаешься — дворянином, купцом, представителем духовенства или крестьянином. В советских условиях «класс» (социальное положение) является атрибутом, определяющим отношение человека к государству...» [Фицпатрик 2001: 20]. — Действительно, все по сути совпадает в Московско-Пербургии и Московско-Совдепии.

Американская исследовательница точно отмечает и то, что «отношения между классами в сталинском обществе имели сравнительно небольшое значение. Главными были отношения с государством...» [Фицпатрик 2001: 21]. Да, и в первом, и во втором случае сословия ориентировались на власть, а не друг на друга. Сословия различались по взаимодействию с властью, но не между собой. Далее Ш. Фицпатрик объясняет, почему отношения с государством были для сословий главными. Поскольку именно оно являлось «распорядителем товаров в системе экономики хронического дефицита. Согласно марксистской теории, главная классовая черта — это отношение к средствам производства... В СССР собственность на средства производства принадлежала государству. В зависимости от интерпретации это могло означать либо то, что все стали собственниками, либо то, что все превратились в пролетариат, эксплуатируемый собственником-государством. Но, так или иначе, производство больше не служило базисом классовой структуры в советском... обществе. В действительности значимые социальные иерархии в СССР... основывались не на производстве, а на потреблении. «Классовый» статус в реальной жизни был связан с большим или меньшим доступом к жизненным благам, что, в свою очередь, зависело от степени обладания привилегиями, даруемыми государством» [Фицпатрик 2001: 22].

В этом пассаже крайне важна мысль, что-либо все собственники, либо все пролетариат. Как будто есть основания для прямо противоположных выводов. Но это вполне соответствует идее властепопуляции: все — власть, все — никто. То есть все и собственники, и пролетарии. Все вверху и внизу. Так по-русски «снимаются» краеугольные социальные противоречия и решаются фундаментальные социальные вопросы. Что же касается темы потребления (доступа к ним, привилегиям), то это, естественно, центральная тема для общества передельного типа. Бесконечная и высочайшая активность по поводу потребления и есть советская форма передельного социума.

О бюргерском и черносотенном

Теперь же совершим небольшой экскурс не только в русскую, но и европейскую историю. И сколь «экзотичным» он бы ни показался, не сомневаюсь в его значении для нашей темы — советское, его исторические корни, содержание.

Итак, повторю, поговорим о — внешне — совершенно неожиданном и — казалось бы — отдалённом от «мейнстрима» статьи.

...Раскол западной церкви произошёл в начале великого перехода от традиционного общества к современному; более того, он был одним из важнейших (если не важнейшим) первых актов этого перехода. Далее раскол вылился в кровопролитную войну, а затем завершился компромиссом. «Север» и «Восток» Европы склонились к протестантизму, ушли в «раскол». «Юг» и «Запад» остались верны католической конфессии. Югу не нужна была Реформация, первоначальный импульс которой — возвращение к аутентичному первохристианству. У «южан» (латинян) было свое возвращение — Ренессанс. Так, актуализируя прошлое, Европа двинулась вперёд.

Протестантизм — это и есть изменение вперёд, это — самоограничение ради самореализации, это психологизация, т. е. индивидуализация веры, поведения, это — индивидуализированная полисубъектность. Короче, это новый человек, порождающий новый мир. «Вы-

двинув положение о том, что человек не нуждается в посредничестве для общения с Богом, он (Лютер. — Ю.П.) заложил основы европейской демократии, ибо тезис «Каждый сам себе священник» — это и есть демократия» [Манн 1961: 311]. Каждый сам себе священник — это приватизация сакрального. Человек создаёт **свой потусторонний мир**.

В 1516 году (чуть-чуть раньше Лютера) выступает Томас Мор (вот кому всегда были отданы моя любовь и восхищение) со своей «Утопией». Происходит переход из пространства в U.Toros (место без, вне пространства). Развязывается связность «места» и «порядка». Согласно К. Шмитту, эта связность и была основой феодализма, на ней он покоился (ср.: А. Токвиль «Старый порядок»). Происходит снятие сакрально-властной локальности (это и есть феодализм; Средние века), раскрепощение пространства и выход из него. Отныне социальная жизнь человека не связана с локальным пространством. Ему принадлежит весь мир. В нем пространство психологизировано, т. е. индивидуализировано. Индивид обретает возможность выбора в пространстве. **Человек создаёт свой посторонний мир**.

В эти годы Макиавелли (1513–1520 гг. — расцвет его творчества) движется в том же направлении, что Лютер и Мор. Но опыты флорентийца касаются не веры и пространства, а власти. В «Рассуждениях» он говорит: «Судьба всегда на той стороне, где лучшая армия». А «лучшая армия» у того нового типа власти, который возникал тогда в некоторых южных и западных частях Европы. Макиавелли даёт ему название — «stato» (вот она триада раннего Нового времени: «sola fide», «Utopia», «stato»). Это — динамический компромисс борющихся «начал» (различных социальных сил) и одновременно деуниверсализация властного, его, так сказать, конкретизация. А также психологизация, т. е. индивидуализация власти.

Но эпоха Лютера-Мора-Макиавелли этим не исчерпывается (мы намеренно ничего не говорим о живописи, архитектуре, скульптуре: это увело бы нас далеко...). В 1510 году в Нюрнберге созданы первые карманные часы со стальной пружиной (на мой взгляд, по силе социального и психологического воздействия это не менее значимо, чем Лютерово открытие). В 1522 г. завершено первое кругосветное путешествие (ср. с открытием Мора). В 1525 году в битве при Павии испанцы разгромили французов (пленение Франциска I). Это была первая победа ручного огнестрельного оружия (фитильные мушкеты)⁵ над холодным. Началась новая эра — эффективных убийств, «лучших армий», современных государств (Макиавелли).

Вернёмся к Лютеру. И отметим — нам это понадобится впоследствии, — что протестанты, отколовшись от Рима и его вселенской власти, нашли опору в местных властях, формирующихся «stati». Раскольники оказались в рамках союза трона и алтаря...

А что у нас на Руси о те же времена? Русский раскол произошёл на самых последних, завершающих стадиях Великой самодержавно-крепостнической революции. Соответственно, он не мог повлиять на становление нового порядка (другое дело, что нанёс смертельный удар по Московской Руси и «породил» Петра I). Правда, в лютеровы примерно годы у нас тоже был раскол (хотя эти события никто так не квалифицирует). Речь идёт о знаменитой пре между иосифлянами и нестяжателями. Конечно, он был иным, чем в конце XVII века. Однако в нем проглянули черты будущего. В иосифлянах не трудно обнаружить прообраз никониан, а нестяжатели — это, безусловно, порыв к автономии личности, выявлению индивидуальности, выход из-под тотального контроля формирующейся Власти. Но раскол рубежа XV–XVI вв. закончился победой сторонников привластной церкви (как, впрочем, и раскол-2); к тому же настоящего раскола как результата этой дискуссии удалось избежать. Арбитром выступила власть. Победил тот, кого она поддержала.

⁵ Интересно: как быстро в те вроде бы небыстрые времена оружие распространялось по миру. Уже в 1552 г. при взятии Казани отличились стрельцы с фитильными пищальми и мастера минного дела (тоже now how). Последними командовал Иван Выродков (во фамилица!; это когда въезжаешь из Латвии в Ленинградскую область, первая железнодорожная станция — «Пыталово»; так сказать, «Добро пожаловать!»). А через семь лет (1559) фитильные ружья стали производить в Японии...

И здесь явился Филофей. Если его идеи поставить в контекст тогдашней Европы, мы узнаем в нем анти-Лютера, анти-Мора и анти-Макиавелли. Перефразируем Т. Манна: когда Филофей сказал, что царь есть главный священник, тогда началось самодержавие. Москва последняя (другой не будет) хранительница истинной веры, а на Москве — царь. Рождается сакральный моносубъектный мир. Москва — единственный в мире сакральный топос, все остальные земли «нечестивые». То есть и пространство сводится в сингуляр, в монотопос, монолокус. И Власть не предполагает никаких компромиссов соперничающих «начал», социальных сил. Она их искореняет.

Кстати, и у нас в начале XVI в. возникает своя триада: «Мнение есть падение» (Иосиф Волоцкий), «Москва — Третий Рим» (Четвертому не бывать), «Царь-Священник».

Через некоторое время приходит Иоанн IV. В известном смысле мечта Филофея. Таким должен был быть чаймый им царь-священник. Важна и фигура Ивана Пересветова. Его властно-социальный идеал Н.Н. Алексеев, выдающийся политический и правовой теоретик 20-х–50-х годов ушедшего века, называл «своеобразным московским фашизмом», «восточным фашизмом». Сам же Пересветов, как мы знаем, ориентировался на находящуюся тогда в расцвете и экспансии Османскую империю, ее порядки. **Он хотел строить в России социальную народную монархию.** Все это было прямо противоположно тому, что с лёгкой руки Макиавелли (и других, скажем, Бодена) делалось в Европе.

Повторим и усилим: в XVI в. Европа освобождает индивида от крепостной зависимости локусу («закрепощённое пространство», «закрепощённый пространству») и крепостной зависимости Вечности (через Римскую церковь). Отныне путь европейца — социальная темпоральность и завоевание нелокализованного мирового пространства. В России идёт процесс освобождения власти из-под Земства и Традиции (народ-в-пространстве), т. е. становления Власти (Орды). Ключевую роль здесь играет опричнина. Итак, в Европе рождается Человек, здесь Власть. Эпоха Гуманизма и Кратизма. Там действует инквизиция, казнят «еретиков» — за веру. Идут кровавые религиозные войны — за веру. Здесь казнят «еретиков», отпавших от Самовластия. Там за желание быть Человеком (за религиозный выбор), здесь — не быть на сто процентов под Властью.

Важным этапом нашего созревания была Смута (мы уже говорили об этом, но — повторим...), которая обычно сводится к бессмысленно-беспощадному бунту, войне всех против всех и т. п. Но наряду с этим у Смуты была и своя «правда». Это ведь был бунт и против Самодержавия, и крепостного порядка, а также движение к ограничению власти и т. п. Однако это эмансипационное начало в конечном счёте было задавлено. Дорога к установлению полного, завершённого крепостнического самодержавия оказалась открытой.

Церковный раскол, с определённой точки зрения, был продолжением этой тенденции. Русь как бы «очищалась» от тех, кто не вполне соглашался с установлением такого порядка. Старообрядцев, людей твёрдых, страстных, мужественных, столь же и узких, фанатичных, нередко экзальтированных, но не «стандартных», вышибли из русской истории на двести с лишним лет. Конечно, безо всяких натяжек мы найдём общее как в этике протестантизма, так и в этике старообрядчества. Не случайно запоздавший русский капитализм во многом вышел из старообрядческих общин и во многом был ими оплачен. Тем не менее двести лет в «резервациях», на обочине исторической жизни — не лучший вариант для рождения «человека открытого», человека-современного.

Никониане, взяв верх в церкви, нашли полную опору в государстве, а затем и вовсе были этатизированы. Они же обладали монополией на истину. А «истина» в конце XVII в. уже предполагала «прогресс», «новое». Петр, будучи «следствием» результатов раскола, сделал то, что должны были — по европейской логике — русские протестанты-старообрядцы. Но победы они, мирское ещё больше подпало бы под сакрально-бытовое. — А первому императору Русь была не нужна, он строил Россию-Империю, ее же и секуляризировал. А ту, московскую, посконную, черносотенную задвинул в рабство.

Мы ещё забыли сказать про «Домострой», который во многом вылепил русского человека. Он его и дисциплинировал, и ограничил, и закабалил, и воспитал. Это было обуздание варвара и решительный шаг в деле превращения русского в раба. Это был апофеоз обязанности, без каких-либо прав. И здесь прочитывается нечто протестантское, но превалирует все-таки *esprit* крепостническо-самодержавного порядка.

Что же получилось в Европе? Т. Манн полагал определяющим **бюргерскую культуру**. Культуру свободного городского человека. Кстати, великий писатель явился и ее глубочайшим критиком; ей он выставял счёт за нацизм и многие другие германские уродства. Конечно, Европа больше и сложнее Германии, но в целом ситуация была схожей.

В России в XX в. историческим наследником и того, о чем мы уже сказали, и того, о чем будет сказано дальше, стала **черносотенная культура**. Подчеркну: одноимённые радикально-погромные организации начала XX столетия лишь небольшой «раздел» этой культуры. Черносотенство есть социальный мейнстрим русского общества при переходе его из традиционалистско-сельского к современно-городскому. Это культура масс, рвущих со своим прошлым, чуждых идей и ценностей «*Hochkultur*» и духа модерности. Это социальный феномен, как бы застрявший (если смотреть с европейской точки зрения) между традиционализмом и современностью. Но это европейский взгляд. У нас это именно мейнстрим. Черносотенец принадлежит не деревне и не городу (советские деревни и советские города не деревни и не города ни в каком, в том числе и в русском смысле). Советизм есть воплощённое черносотенство. Революция в России окончилась победой черносотенцев. Причём возобладал красный, а не белый вариант (впервые это различие дано П.Б. Струве в ещё дореволюционные годы).

Итак, наше черносотенство есть органический продукт русского месторазвития. Оно и победило как середина (западный средний класс XX столетия помните?) отечественной социальности, победило на руинах двух субкультур, вобрав в себя соки обеих. Но не только... П.Б. Струве писал: «Сущность и белого, и красного черносотенства заключается в том, что образованное (культурное) меньшинство народа противопоставляется народу, как враждебная сила, которая была, есть и должна быть культурно чужда ему. Подобно тому, как марксизм есть учение о классовой борьбе в обществах, — черносотенство обоих цветов есть своего рода учение о борьбе культурной» [Струве 1911: 16].

Итак: вот что здесь главное — «культурная борьба». Между Россией (с XVIII в.), стремившейся быть современной по-европейски, и Россией, обреченной на сохранение «своей», не-современной, «старомосковской» идентичности. То есть черносотенство это социально-культурная реакция на насильственную модернизацию — вестернизацию страны. Это — и следствие раскола на две «России», и выражение инстинктов и интересов «старомосковской» субкультуры.

Впервые же на исторической сцене черносотенство появилось в годы Смуты начала XVII столетия. Появилось и спасло Русь — от интервентов, тушинцев, болотниковых и т. п. И вместе с тем от первых «западников», желавших ограничить самодержавие (и при Василии Шуйском на четыре года это удалось; удалось и с королевичем Владиславом — правда, в Москву его не пустили) и несколько озападнить нашу жизнь. Это был героический, легендарный, «мифопоэтический» период вызревания черносотенства. Но оно так бы и не созрело, если бы не революция Петра. Так бы и осталось нормальной, здоровой, узкой, кондовой, «физиологической» силой самосохранения русского этноса. В совсем не плохом смысле слова консервативной, даже, пусть реакционной функцией народного организма. Подобное «черносотенство» имеется в любой национальной культуре.

У нас же — после Петра — «черносотенство» было обречено не на жизнь и борьбу «в рамках» и по принципу «и-и», и не на, в конечном счёте, компромисс с *modernity* и сосуществование в условиях консенсусного полисубъектного социума, «смешанного правления», политики. Но — на перманентную тотальную войну с другой, «петербургской», субкультурой.

«Или-или». Хотя поначалу эта война была малозаметна. Поскольку протекала не просто в «холодной» форме. Она была замороженной, подмороженной, загнанной в подполье — жесточайшим крепостным режимом. Когда же в эпоху «великих реформ» этот режим ушёл в небытие, война стала обретать иные формы. К началу XX в. — вполне горячие.

Обычно под «черносотенством» полагают известные организации и настроения, оппозировавшие эмансипационному процессу между 1905–1917 гг. (мы уже вскользь упомянули это). Это то, что П.Б. Струве квалифицирует как «белое черносотенство» («Союз русского народа» etc.). Его идеология представляла собой комбинацию антикосмополитических, антиурбанистических (при том, что движение развивалось в крупных и средних городах), антибюрократических, антикапиталистических, антилиберальных, антисемитских взглядов, одобренных традиционным и очень поверхностно-вульгарно трактуемым «позитивом» — «православие, самодержавие, народность».

П.Б. Струве указал на существование другого черносотенства — красного. Это, по его словам, «народнический» социализм эсеров и большевиков. «...Наш народнический социализм переkreщивается с черносотенством, образуя с ним некоторое внутреннее духовное единство» [Струве 1911: 11]. То есть он настаивает на одноприродности, единых корнях и того и другого черносотенства. — При этом красное, подобно белому, порождено расколом русской цивилизации, культуры. Но в отличие от белого, оно в конце-концов отлилось в псевдосовременные формы. Оно упаковало себя в европейское платье. Научилось говорить на немецко-французском социалистическом языке. Предложило «старомосковской субкультуре» способ выживания в современном (modern) мире. Более того, сумело — в течение семи с лишним десятилетий — выдавать эту субкультуру за современность. Ловко, жёстко и молниеносно (по историческим меркам), загримировав её, придав ей черты чуть ли не «будущего» («будущего» — в смысле прогрессистского миропонимания).

Вдогонку буквально два слова о «месторазвитии». Как известно, этот термин введён в науку евразийцем П.Н. Савицким. В нем объединены исторический, пространственно-географический и природно-климатические измерения социальной эволюции. Другими словами, — **то и где это** происходит.

Европа всегда жила в геоисторической нише Римской империи. Каролинги, Священная Римская империя германской нации — это все римейки Первого Рима. Но внутри этой открыто-закрытой целостности шла работа по обустройству этно-национальных сообществ. Процесс привёл к двум результатам. С одной стороны, постоянная тяга и работа над интеграцией, с другой — nation-state-building. Но имелось ещё одно измерение европейских геоисторических дел. Крестовые походы орденов, сужение католического европейского ареала и «уравновешивание» этого распространением римской веры по всему свету (португальцы, испанцы). А затем и колониальные инвазии. Кстати, у кого не было материальных сил распространяться по земному шару, те, в первую очередь немцы, углублялись в метафизические пространства ума, души, сердца (философия, музыка, поэзия). Так называемая феодальная раздробленность и ее дальнейшие последствия в виде федерализма позволили европейцам обують и очеловечить свои микроместоразвития.

А у нас? — Киевский вождеплеменный союз во главе с прибывшими из Скандинавии викингами-германцами в середине XIII в. с помощью татар развалился на три части. Западная ушла в Литовскую Русь, была отчасти европеизирована⁶. Эта часть Руси в общем не была под монголами. Северо-Запад создал уникальное народовластие (Новгород, Псков, Вятка) с разными идентичностями — своей собственной, русско-татарской, ганзейской. Восток Руси на 250 лет стал прочной частью Золотой Орды. После ее разложения этот самый Восток во главе и в лице Москвы начал возрождение Монгольской империи. Это как раз и есть русский

⁶ В Киеве стоит памятник Магдебургскому праву, а вот в Москве — Лобное место, где столетиями казнили людей. Задумайтесь об этом возлюбленные современники! Ведь сегодня в центре нашей Родины лежит убийца в окружении своих учеников-негодяев, а чуть поодаль от них «вечная память» смертному месту.

Ренессанс (я не шучу, а предлагаю вдуматься в смысл этой метафоры). За всем этим не хватало и не хватило сил на обустройство именно своего месторазвития. Однако кто точно назовёт его — наше месторазвитие?

* * *

Итак, «инспирированные», казалось бы малообъяснимыми — и по сути и по форме, — действиями властей в отношении Академии наук, выдвинув предположение об укоренённости всего этого в советском, советизме, мы, во многом неожиданно даже для самих себя, прочно обосновались в историческом — порою и «далёком» — пространстве. Сказать, что ответ найден, — преждевременно. Хотелось бы не спешить с окончательными выводами и полагать представленный текст лишь первой частью «политологического расследования». Надеюсь, что вторая (и заключительная) не заставит себя ждать.

Что делать?

* * *

Второе «академическое дело» (первое, напомним, состоялось в славные годы подъема сталинской диктатуры), поведение власти летом-осенью тринадцатого по отношению к РАН заставляют нас вновь и вновь искать причины случившегося. Ведь с любой рациональной точки зрения **то, что было сделано и как это было сделано** необъяснимо. Зачем вообще и зачем так?

В предыдущей статье мы предложили обратиться к природе советского, советизма. Именно в этом, и прежде всего в сохранении этого явления, доминировании его в русской социальной жизни, усматриваются корни происходящего. То есть это никакая не случайность, не малопонятная трезвому уму девиантность, скорее, нормативность этой все еще «цветущей несложности» (пусть новоявленные поклонники Константина Леонтьева не обольщаются по поводу природы своего кратоса). Когда-то бог-отец большевизма, только что вернувшись в страну после почти двадцатилетнего отсутствия, в работе «О двоевластии» сформулировал впоследствии знаменитый тезис: «Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве». Мы же вслед за большевицким вождём скажем: коренной вопрос русской социальной эволюции есть вопрос о власти. Ильичу же заметим: коренной вопрос всякой революции есть вопрос: а **что** после нее. Эта «штука» (**что** после нее) посильнее темы «власть». Здесь Ильич проявил свое «тактическое» нутро и, как всегда, стратегическую бездарность...

Загадка СССР

Итак — советизм.

Как же он стал возможен? Неужели это результат (или следствие) русской истории? Казалось бы, ничего похожего в прошлом не было. Смута начала XVII в.? Ну, какие-то черты схожести просматриваются. Однако не более того. Так может это реакция на вхождение России в современный мир? Если это так, почему же в такой страшной форме?

Предреволюционная Россия была вполне успешной. Росло благосостояние народа, эффективно развивалась экономика, преодолевался аграрный кризис, демократизировалась политическая система, культура и наука переживали расцвет. Война? На фронте ничего выходящего за рамки войны не произошло. И дело шло к победе, и количество жертв было сопоставимо с жертвами главных участников всемирной бойни. Разумеется, имелась масса проблем, все они требовали решения. Но ничего, ничего фатального, предопределённого, не было и в помине. Однако грохнуло.

Через семьдесят четыре года также внезапно коммунизм-советизм развалился. «Моё основное наблюдение сводилось к тому, что Советский Союз был отменен из-за отсутствия интереса к его существованию. И никто не хотел выступить в его защиту», — говорил Джеймс Коллинз (в 1991 г. — первый зам. посла США Джека Мэтлока, в 1997–2001 гг. посол США в России) [Коллинз 2011].

«Таинственное» появление, «таинственное» исчезновение. Между ними — нигде никогда небывалый строй. Который оценивается в диапазоне: суицид русского народа — величайший в истории подъем России.

В начале 80-х годов Эдгар Морен писал: «СССР — САМЫЙ БОЛЬШОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (так у автора. — Ю.П.) и главный вопрос для современного Человечества» [Морен 1995: 15]. Наверное, в этих словах содержится определённое преувеличение, но то, что СССР один из самых больших экспериментов и вопросов — точно. Во всяком случае, для русской науки нет вопроса важнее. Скажу больше: настоящее и будущее (обозримое) России зависит от того, как мы ответим на все эти вопрошания.

Но неужели ответы ещё не найдены? Ведь советскому коммунизму посвящены тома и тома работ. Скоро уж столетие Октября, а это означает, что ровно столько же этот феномен анализируется. Чего же нам неизвестно? — Да всё. И только с этой позиции исследователь должен начинать. Конечно, изучить тонны ранее написанных трудов. И после этого — с чистого листа.

Вот, скажем, тема: революция. То, с чего все началось. Казалось бы, Великая Французская задала норму. Отныне и навсегда все революции меряются по ее стандарту. А этого решительно делать нельзя. Там революция поднялась ради частной собственности для всех, а у нас ради отмены частной собственности для всех. Там революция вдохновлялась идеями мыслителей Просвещения, mainstream-ом интеллектуальной культуры, у нас — большевицко-марксистским «дайджестом», который никогда не входил в русский мейнстрим, был периферийным продуктом. Между Наполеоном и Сталиным тоже ничего общего... Там революция позволила утвердиться новому порядку, формировавшемуся в недрах старого. У нас революция раздавила этот новый порядок и ревитализировала многое из того, что, вроде бы, уже уходило.

Маркс назвал революции локомотивами истории. Для Европы это, может быть, и верно. Они тащили это самое новое в настоящее и будущее. А вот для нас и нашей революции звучит двусмысленно. Ведь если и она локомотив истории, то, побивая современное, новое, она влетала в прошлое, традицию и беспощадно давила их своими колесами. Этот «локомотив» лишал нас не только настоящего, но и прошлого. Только наивные простаки полагали, что он мчит нас в будущее. — Мы-то оказывались у разбитого корыта... И эта футуристическая мания («будущее!», «все для будущего!», в «будущем будем жить счастливо!») была, конечно, — платой за разбитые прошлое и настоящее. Большевики как будто убегали от ими же устроенных развалин. Поэтому они и кричали: «догнать», «перегнать». Гонщики!..

И вдруг, другими словами мы уже говорили это, гонка оборвалась. Исчез СССР, как и родился, тоже совершенно по своему. Поэтому наряду с «революцией» тема отечественной науки — «почему погиб советский режим?». Попробуем сказать об этом. Итак...

Почему погиб советский режим (краткий эссе-памфлет)

Почему погиб советский режим? — Он не мог нормально существовать в условиях спокойствия. Советская система была создана (сконструирована) для функционирования в чрезвычайных условиях: для того, чтобы обрушивать террор, вести тотальные войны, постоянно взнуздывать население (через беспощадные мобилизации). Но никакой социальный порядок в истории человечества долго этого выдержать не может. Устаёт.

Металлические конструкции нередко рушатся внезапно, без, казалось бы, видимых на то причин. Специалисты говорят: усталость металла. Ее, насколько мне известно, практически невозможно вовремя диагностировать. Это же произошло с советской системой. В. Маяковский мечтал: «гвозди бы делать из этих людей». — Сделали. Но гвозди устали. Сломались.

Советская система представляется мне прямой противоположностью городу Венеции. Венеция стоит на листовенничных сваях, которые со временем не гниют, а, наоборот, приобретают устойчивость, сравнимую с камнем. Здесь же металл устал, — постройка рухнула. Но режим был далеко не так «глуп», как полагали многие, в том числе и автор этой работы. Даже в период расслабления, когда, вроде бы, его руководство отбросило курс на безжалостное достижение непонятого и неведомого коммунизма и погрузилось в банно-охотничью *dolce vita*, он вдруг пускался на совершенно авантюрные, безумные действия. Но это лишь казалось, что они таковы. Ярчайший пример — афганская война. Или сверхзатратная поддержка уголовного режима братьев Кастро. Или африканские затеи. И т. д.

На самом деле система пыталась взбодрить себя, вновь окунуться в атмосферу «и вечный бой, покой нам только снится». Это как ушедший на «пенсию» спортсмен пытается вернуть себе былую форму. С одной стороны, мы знаем, что спортсмен, прекративший тренировки, снизивший нагрузки на организм, особенно уязвим для всякого рода болезней. С другой, — если он переусердствует, исход может быть гибельным.

Видимо, что-то подобное происходило и с нашим режимом. Это доказывает: социальные порядки подобного типа не реформируемы — они против природы человека.

Между прочим, и предшественники советской системы (опричнина грозненская и петровско-крепостническая) проделали тот же путь. Правда, грозненская рухнула сразу же после кончины ее творца. И в России началась война всех против всех. Она стала возможной не только как естественная реакция различных общественных групп на ужас опричного строя, но ещё и потому, что сами эти группы были ещё недостаточно закрепощены, не «научились» ещё безмолвствовать.

А вот после смерти Петра смута (в традиционных формах и смысле) не началась. Всё уже было под замком (это Герцен говорил, что предшественники Петра, особенно папа его, заковывали народ в цепи. А замкнул их замком немецкой работы Петр Алексеевич). Бунтовала только гвардия (а не всё дворянство, — оно тоже бóльшей частью своей было превращено в рабское сословие). То есть право на бунт оставили у совершенно незначительной части населения. И это было единственным из прав человека в тогдашней России.

С советской системой оказалось сложнее. Сами ее начальники начали постепенный демонтаж. Главным (основным) проявлением этой политики стало относительное раскрепощение населения. Тем самым они отсрочили обвальное падение системы и одновременно заложили мину в ее фундамент. Смута все-таки пришла. Но уставшие за 70 лет люди в основном занялись не взаимным убийством, а приватизацией.

Кстати, **эта** приватизация была **подлинной**, т. е. не той, которую связывают с министром Чубайсом. **Эта** приватизация стала всеобщей: в ней участвовало все население. То есть она имела характер общенародный — и не случайно. Идеологи советской системы настаивали на общенародном характере своей системы. И в этом смысле народ имел полное право, когда она рухнула, взять себе все. В таком контексте приватизация по Чубайсу выглядит как контрприватизация, как узурпация общенародного кучкой проходимцев. В этом главное содержание смуты конца XX — начала XXI в. И хотя по видимости победили чубайсы, на самом деле и народная приватизация достигла громадных успехов.

Обратим внимание: мы ничего не сказали о событиях революции, гражданской войны и первых лет становления системы. А ведь по видимости они схожи с постгрозненской и постсоветской смутами. Но именно по видимости, а не по сути. Октябрь и последовавший за ним исторический период — это не реакция на гибель, не разложение насильнической системы.

Напротив, это реакция на появление в России открытого общества. Это отказ от замаячившей свободы. Солидарный протест тех социальных групп и тех модальных типов личности, для которых свобода — что-то типа морской болезни. И они предпочитают есечь корабли, чтобы не искушать судьбу. К сожалению, тогда такие группы и личности составляли большинство.

Конечно, советская система намного сложнее, чем грозненская и петровская. Поэтому и история ее тоже богаче. Материальной метафорой этой системы являются тракторные заводы. Эти заводы хоть и строились как тракторные, но подлинной целью было создание танков. Объявлялось: в сельском хозяйстве переход к социализму будет осуществлён (помимо прочего) посредством его (сельского хозяйства) коренной технической модернизации. В реальности же готовились к войне. Поэтому и для настоящих нужд сельского хозяйства создавались тракторы, так сказать, с танковой основой. То есть неэффективные, мало пригодные для сельского хозяйства. С помощью этих танков-тракторов режим вёл постоянную битву за урожай. Благодаря такой политике система, хоть и с трудом, но выиграла войну, однако проиграла битву за урожай.

Особенность советской системы также и в следующем: в 1956 г. ее руководство решилось на самоубийственный шаг. Оно провело свой Нюрнбергский процесс. Я настаиваю на том, что XX съезд был СОВЕТСКИМ Нюрнбергом. И потому никакого другого Нюрнберга в России уже не будет. При всей внешней (с нынешней точки зрения) скромности и робкости саморазоблачения это было именно саморазоблачение. Замечу в скобках, что это одно из самых морально достойных событий в русской истории за все ее тысячелетие. Даже, вероятно, при том, что оно стало возможным в результате острой внутривластной борьбы. То есть такая цель — саморазоблачение — не ставилась. После этого Нюрнберга система была обречена. Начался процесс эмансипации.

И потому в Смуте конца XX — начала XXI в. наряду с прогрессивной общенародной приватизацией началось контрэмансипационное реакционное движение. Парадокс истории заключался в том, что его вождём стал человек, добивший советскую систему, — Б. Ельцин. Кому русские поставили памятник как человеку, прекратившему смуту начала XVII в.? — Козьме Минину. Кого сегодняшняя власть начинает облекать в памятники? — Бориса Ельцина. Козьма Минин спас русскую систему в момент ее становления. Борис Ельцин — в минуту ее, казалось бы, умирания. Это он отдал то, что принадлежало всему народу, на разграбление кучке бандитов. При этом нанёс удар и по традиционалистско-советским силам, которые в своей наивности и невежестве надеялись на реставрацию советизма. Он освободил историческую сцену России от массовки, претендовавшей на свою долю в переделе. И от непрогнозируемых экстремистов старого и нового образца. И совершенно не случайно, что он передал власть единственной пока ещё в русской истории не разлагавшейся (не в моральном, а в социально-организационном смысле) корпорации спецслужбистов.

Парадоксальным образом Б. Ельцин является одновременно и героем русской свободы, и героем русской несвободы.

Далее: о спецслужбе и наиболее употребительном в русском языке наряду с «правдой» слове — «коррупция».

О роли коррупции и КГБ в новейшей русской истории

У Алена Безансона есть сборник статей «Советское настоящее и русское прошлое». Все тексты написаны до перестройки. По-русски эта книга вышла в 1998 г. И казалось, что ее содержание имеет, так сказать, ретроспективное значение... Прошло пятнадцать лет, и совершенно очевидно, что анализ Безансона по-прежнему актуален. Правда, при одном условии: необходимо поменять угол зрения. Сегодня это выглядит так — «Русское настоящее и советское прошлое». Иначе говоря: в каком соотношении находятся ушедшее советское и насту-

пившее русское? И действительно ли советское кануло в Лету? Или современное русское есть инобытие советского?

Итак, в начале 70-х годов Безансон писал: «...Токвиль отметил, что революция завершила государственную эволюцию старого режима. В префекте он видел очевидного наследника интенданта. Но вряд ли он мог обнаружить прямую связь между интендантом и Карьером, который топил подвластных ему граждан, или Фуше, который их расстреливал. Для того чтобы связь не прервалась, необходим отказ от утопических целей. Только реставрация (наполеоновская или монархическая) позволяет восстановить историческую преемственность, включить в нее революцию. Однако до сих пор ни одна большевицкая революция не закончилась реставрацией» [Безансон 1998: 76]. «Ни одна» — значит не только русская, но и, к примеру, китайская и другие. Не будем обсуждать тему «не только русская», напротив, сосредоточимся на самих себе.

Французский исследователь прав: в рамках советского коммунизма реставрации⁷ не произошло. В отличие от хода событий на его родине и в Англии, где историческая преемственность была восстановлена. А что же у нас? Безансон (мы не входим сейчас в разбор его концепции; важны выводы) отвечает: «...Советское государство... превращается в революцию абсолютную» [Безансон 1998: 75]. Вместе с тем оно «карикатурно имитирует исторические формы русского деспотизма» [Безансон 1998: 75]⁸. Да, большевицкая революция была абсолютной. И в смысле того, что полностью, «до основания» разрушила дооктябрьскую русскую эссенцию (прежде всего основы христианской культуры, традиционные социальные группы, находившееся на несомненном подъёме гражданское общество), и в смысле того, что никак не могла закончиться, остановиться (правда, в хрущевскую «оттепель» и брежневский «застой» она потеряла свою зверскую интенсивность, перешла в более щадящую человека фазу). Что касается имитации, то это хоть и близкая, но все же иная тема. Оставим ее для последующего рассмотрения.

Однако реставрация произошла... На наших глазах. Антикоммунистическая и антисоветская революция конца 80-х — начала 90-х годов «диссоциировалась» в реставрационном режиме Владимира Путина. Причём это восстановление коснулось всех сфер жизнедеятельности общества: властной, хозяйственной, гражданской, интеллектуальной, символической и т. д. — Подчеркнём: речь не идёт о тотальном возвращении в, скажем, 70-е годы. Такого никогда ни у кого не было. И у нас. Имеется в виду следующее: советская субстанция, советское *per se* сумело не просто сохраниться и вновь развернуться. Случилось как раз то, о чем говорил Токвиль: «...Революция завершила... эволюцию старого режима». — Таким образом, ленинско-сталинская революция была полным сломом *ancien régime*, а горбачевско-ельцинская завершила эволюцию советизма.

Этот вывод для меня очевиден (да об этом пишет всяк кому не лень...). Но его необходимо не то чтобы доказать — объяснить. Почему, к примеру, русская революция не прошла фазу реставрации? Почему хрущевско-брежневская система, было разрушенная Горбачевым-Ельциным, ренессансировалась в путинскую эпоху? А ведь это ключевой вопрос не только научного познания, но и политики. Одно дело, когда мы констатируем очередную неудачу России на путях к свободе, другое, когда описываем «удачу» в восстановлении эссенциально-советского. При этом сама революция конца XX в. понимается как необходимое действие для перехода в новое, более современное и боевое состояние и становится воплощением того,

⁷ Реставрация в этом смысле не состоялась. Но реставрация как возвращение к некоторым фундаментальным, а потому **нормальным** ценностям человеческого существования началось в ходе Войны. Об этом мы писали в первой статье.

⁸ Этот имитационный характер позднесталинского режима неплохо зафиксирован в строчках Георгия Иванова: «...Двухсотмиллионная Россия, — / «Рай пролетарского труда», / Благоухает борода / У патриарха Алексия. / Погоны светятся, как встарь, / На каждом красном командире, / И на кремлёвском троне «царь» / В коммунистическом мундире».

против чего она вроде и была направлена... И почему, когда ушло коммунистическое (которое совершенно не равно советскому; мы поговорим ещё об этом) не вернулось русское? И в каком соотношении находятся русское и советское?

Впрочем, давайте не торопиться. Начнём не то чтобы издалека, но не с главного. И пусть Алан Безансон по-прежнему остаётся нашим чичероне в странствиях вокруг советского. Когда-то в середине 70-х он написал работу, которая широко известна в России, весьма часто цитируется (в том числе и мною). Правда, только теперь становится понятна феноменальная глубина этого текста. Он называется: «Похвальное слово коррупции в Советском Союзе» [Безансон 1998: 177–200]. Примечательно, что это — предисловие к французскому изданию книги И. Земцова «Коррупция в Советском Союзе». Илья Земцов был зав. Отделом информации ЦК КП Азербайджана, профессором научного коммунизма в одном из вузов Баку, социологом, связанным с КГБ (по собственному признанию). В конце 1973 г. он эмигрировал в Израиль. Впоследствии написал несколько книг о советской политике и советских вождах. Его очень ценят в современной России. Живёт он в США, в 2011 г. избран иностранным членом РАН. То есть его признали те, которых он разоблачал, которыми он возмущался...

В общем перед нами безансоновский аналитический комментарий к земцовской фактуре (богатой, важной, интересной). — «Коррупция есть болезнь коммунизма, и потому в рамках противопоставления между «ними» и «нами», между партией и обществом коррупция для последнего есть признак здоровья. Она есть не что иное, как проявление жизни, жизни патологической, но которая все же лучше, чем смерть. В ней проявляется возрождение частной жизни, ибо сама фигура есть победа личности, индивидуальности. Отношения между людьми вместо того, чтобы выливаться в искусственные формы идеологии, возвращаются на твёрдую почву реальности: личной выгоды, спора о том, что положено мне, что — тебе, сделки, заключаемой в результате соглашения между сторонами, пользующимися определённой автономией. Фальшивые ценности, существующие лишь на словах, и чьё принудительное хождение обязано лишь непрочной магии идеологии, быстро оказывается погруженным в «ледяную воду» эгоистического расцвета... Это возрождение общества, идущее окольным путём коррупции, может быть охарактеризовано в терминах экономики как возрождение рынка» [Безансон 1998: 186–187].

Конечно, этот гимн коррупции как возрождению общества, по крайней мере, странен. Ведь мы знаем: это болезнь общества. Кстати, Безансон этого не отрицает. Но болезнь коммунизма, настаивает он, есть, пусть и идущее «окольным путём», выздоровление общества. Что же, не будем (пока) оспаривать эту «негативную диалектику». Тем более сам автор мгновенно снижает пафос гимна «животворящей» коррупции: «Однако это возрождение принимает столь разнузданные формы, что у нас возникает искушение позаимствовать у Маркса не только его громоподобные нападки на подобную систему, но даже его методы анализа. То, что процветает в Азербайджане (как мы знаем, и во всем СССР. — Ю.П.) под застывшей коркой социализма, — разве это не капитализм эпохи молодого Маркса, «дикий» капитализм? Ни во времена Гизо, ни Пальмерстона рыночная экономика не охватывала такого количества различных секторов, которые даже в годы наивысшего разгула свободной конкуренции и свободы торговли в XIX в. находились в ведении публичного права, под надзором государства, и развитие которых определялось соображениями общественной пользы. Система государственных учреждений (в СССР. — Ю.П.), призванных удовлетворять потребности всего общества, стала пленницей озверелого взяточничества и практики купли-продажи должностей» [Безансон 1998: 188].

Далее А. Безансон говорит, что все это напоминает начальный процесс формирования капитализма — марксистское «первоначальное накопление». «В самом деле, учёный автор „Капитала“ не преминул бы подметить докапиталистический и даже „феодальный“ характер советской экономики. Разумеется, существует также и целая система хитроумного бухгалтерского учёта, „проведения“ денег по другой статье, фиктивных счетов и накладных, которая,

как иногда может показаться, сближает эти операции с „современными методами“ уклонения от уплаты крупных налогов и подпольным бизнесом американской мафии. Однако в советской системе доминируют архаические черты, и главная из них — это то, что Маркс назвал „феодальными поборами“. Действительно, согласно марксистской доктрине, капитал должен возникать по перераспределению в результате „свободной игры“ факторов рынка, а не за счёт изъятий в процессе внеэкономического принуждения. Однако азербайджанский (т. е. советский. — Ю.П.) капитализм существует за счёт собственного паразита — партии, которая взимает с него феодальную дань на всех уровнях» [Безансон 1998: 188].

И потому, подчёркивает французский исследователь, «торговцы (или, если угодно, спекулянты) не смогут оформиться в самостоятельный класс. Партия бдительно следит за тем, чтобы их деятельность оставалась противозаконной, и пользуется ее противозаконным характером, чтобы безжалостно грабить их же спекулянтов... Более того, для партии было бы весьма заманчиво взять эту подпольную экономику под свое начало. Однако по мере того, как она проникает вглубь этого рынка, рынок проникает в нее. Партийная иерархия, вместо того, чтобы подчиняться своим собственным принципам, начинает подчиняться законам, управляющим системой купли-продажи должностей. Теперь уже не только технические должности (ректор университета, председатель колхоза) или должности, связанные с аппаратом власти (в системе судопроизводства и в милиции), оказываются включёнными в эту систему — рыночную стоимость приобретают внутренние посты в самой партии (секретарь обкома, райкома и т. д.). Нравы внутри партии заражаются стилем экономического «подполья» и в результате смягчаются и цивилизуются. Между партийными товарищами устанавливается нечто вроде солидарности и неписаные корпоративные законы преступного мира, подобные тем, которые управляют поведением американских «мафиози»... Возникает острая политическая проблема.

Действительно, партия не может раствориться в формирующемся классе частных предпринимателей без того, чтобы изменить свою природу и исчезнуть. Она это прекрасно понимает, и потому замешанные в коррупции работники ее аппарата... тщательно скрывают свои богатства ...с удвоенным рвением демонстрируют свою лицемерную приверженность идеологии. Они не чувствуют себя в безопасности и они правы, ибо они ставят под угрозу власть, безопасность всей партии...» [Безансон 1998: 189].

Кстати, коммунисты столкнулись в 70-е — начале 80-х годов с подобной ситуацией не впервые. Так уже было, по мнению Безансона, в 1929 г. (после НЭПа) и в 1945 г. (после великой освободительной победы народа). И «...партия... сумела найти средства для нанесения ответного удара» [Безансон 1998: 192]. То есть была «восстановлена непреодолимая пропасть между партией и обществом, реставрирована идеология в качестве абсолютной нормы... Чтобы проделать это, потребовалось провести радикальную чистку в партии. И поставить общество на отведённое ему место, систематически уничтожая те структуры, в которое оно оформлялось, и разрушая недозволенные узы солидарности. Это оказалось возможным лишь ценой огромных опустошений» [Безансон 1998: 189].

Собственно говоря, в этом и есть суть той системы, которую создал Сталин и которую я называю Коммунистическим режимом-1 (КР-1). Но «после смерти Сталина обществу были сделаны определённые уступки, и оно бурно восстанавливается под прикрытием длительного нэпа, хотя и в патологических формах. Оно окружает партию со всех сторон, заставляет ее понемногу войти в свою сферу и начинает поглощать ее и переваривать» [Безансон 1998: 189]. А это, по моей классификации, — Коммунистический режим-2 (КР-2).

А. Безансон усиливает: «Теперь можно себе представить, перед лицом какой угрозы оказывается сама суть партии, если она начинает углубляться в общество, если она вступает с ним в контакт на равных, на уровне общих интересов. Однако именно это она и делает, участвуя, будь то в качестве вымогателя или надсмотрщика, в жизни экономического общества, которое создано не ею, которое выросло за ее спиной, естественно и органично, помимо

ее контроля» [Безансон 1998: 191–192]. — Несколько забегаю вперёд, хочу напомнить мою гипотезу о земско-опричном устройстве русского социума. Классический вариант этой диспозиции — взаимоотношения Орды (опричнины) и Руси (земщины). Здесь все построено на дистанционном принципе: нельзя сближаться, причём в прямом, физическом смысле. Иначе опричина начинает терять свои главные качества. Вот это-то и имеет в виду Безансон, но, разумеется, на языке и в рамках своей концепции...

Что же делать? Что делать коммунистам в такой ситуации? По А. Безансону, вроде бы два пути. Первый — новое издание сталинщины, возвращение в КР-1; второй — пусть все идёт своим чередом, и постепенно в России возродится более или менее приличный, нормальный, «как везде и всегда», порядок. То есть страна со временем (не скоро) вылечится от худших язв коммунизма.

Однако советские лидеры выбрали третий путь. «Земцов позволяет нам проследить за политической линией, которой партия следует в действительности, на примере подробно описываемой им карьеры Алиева (Гейдар Алиевич Алиев, председатель КГБ Азербайджана, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Азербайджана, первый зампред Совмина СССР; впоследствии президент Республики Азербайджан. — Ю.П.). Его взлёт, начавшийся в 1969 г., до сих пор не исчерпал всех скрытых в нем возможностей (напомним: этот текст писался в 1976 г. — Ю.П.). На последнем съезде КПСС в 1976 г. Алиев поднялся ещё на одну ступень партийной иерархии. Эксперимент был местного значения, но накопленный опыт годится не только для Азербайджана. Это старый метод российской администрации, существовавший ещё в царское время... затем перенятый большевиками: проводить испытания какой-либо новой политики в локальном масштабе, перед тем как распространить ее на всю Империю. Таким образом, карьера Алиева знаменует собой начало того, что автор называет „бесшумной революцией“, уже осуществлённой во многих местах на периферии, хотя она ещё не одержала победу в центре. Как ее описать? Она стремится избежать как опасностей жёсткого курса, так и опасностей линии попустительства, невмешательства в ход событий, и исходит из чисто прагматических соображений. Сторонники этой линии констатируют, что в партии царит коррупция, и хотят ей положить конец. Для этого нужно найти в партии внутренние резервы, „людей с чистыми руками“, элиту неподкупных, способных восстановить порядок и утвердить law and order. Этот лозунг американской демократии напрашивается сам собой, но в советском случае неподкупных требуется отыскать внутри самой мафии» [Безансон 1998: 197].

А. Безансон вопрошает: «Где же взять этих „железных рыцарей с чистыми руками“?» [Безансон 1998: 197]. И ответ молниеносно приходит сам собой: «конечно же, это наши славные чекисты. В КГБ существуют, и в достаточно большом количестве, прекрасные экземпляры „нового человека“, которого партия сумела создать за шестьдесят лет. Строгий отбор, незаурядный корпоративный дух, безупречное коммунистическое воспитание, полученное в специальных школах, наконец (и прежде всего) материально обеспеченная, интеллектуально интересная и морально престижная карьера, — все это делает КГБ подходящей для этой цели организацией, состоящей не только из преданных коммунизму людей, но ещё и способных его **любить**» [Безансон 1998: 197–198].

Ну, на счёт «любить», конечно, преувеличение. Теперь мы это знаем. Но главное не в этом. Добились ли они, «наши славные чекисты», успеха? Нет, им не удалось спасти СССР и коммунистический режим. Однако они сумели спасти «советское», «советизм» (об этом ещё поговорим). То есть алиевщина, а в рамках всей страны это явление, видимо, правильно было бы назвать андроповщиной, была инструментом, с помощью которого коммунисты попробовали сохранить и обновить свою систему. Оказалось же: у Истории на чекистов свои планы.

Кстати, а что за программа была у Г.А. Алиева (Ю.В. Андропова)? Весьма простая, говорит А. Безансон: «Доверить максимальное число постов работникам КГБ, провести чистку наиболее скомпрометировавших себя сотрудников аппарата, а остальных пропустить через

курсы повышения квалификации в школах того же КГБ» [Безансон 1998: 198]. Безусловно, все это было обречено на неудачу. Нельзя опричнине сблизаться с земщиной. Дистанция и ещё раз дистанция! И «рыцари с чистыми руками» оставались справными опричниками, «покуда пребывали в асептической и находящейся под неустанным надзором среде государственной полиции. Подвергнувшись вредоносным испарениям жизни общества, они не замедлили сами включиться в механизм коррупции» [Безансон 1998: 198]. К тому же, в их среде начали устанавливаться «компромиссные» отношения, вытеснявшие привычные: «человек человеку волк», «если враг не сдаётся...»; в общем нормальный ленинско-сталинский комплекс взаимного человеконенавистничества, основанный на единственно верном учении и его «этике», постепенно размягчался, дряхлел.

«Но поражение от победы ты сам не должен отличать». Вскорости окажется, что чекистская неудача на самом деле есть захват плацдарма для скорой победоносной операции. Так сказать, социального блицкрига.

Однако оставим пока Алена Безансона, оставим с громадной благодарностью, ведь он немало и славно потрудился для того, чтобы мы с вами лучше понимали самих себя (при этом попутно: далеко не все у этого блистательного исследователя равноценно, не все его подходы и выводы приемлемы). Обратимся к отечественному специалисту (кстати, он с большим уважением относится к А. Безансону и в значительной степени продолжает и развивает его) — Льву Михайловичу Тимофееву. В 2000 г. в издательстве РГГУ был издан сборник его работ «Институциональная коррупция: Очерки теории». И тогда эта книга, безусловно, привлекла к себе внимание. Но сегодня, спустя более чем десятилетие, с «сюрреалистической» очевидностью ясно какой мощной объяснительной силой обладают его идеи. И особенно в контексте концепции А. Безансона, созданной чуть ранее теоретического прорыва Л. Тимофеева. Однако в историю науки они, наверное, пойдут дуэтом — Безансон-Тимофеев.

В статье «Зачем приходил Горбачев» [Тимофеев 2000: 223–235] Лев Михайлович пишет: «Не экономические проблемы тревожили коммунистов, но их политическая подохла. В этом смысле партийная стратегия не изменилась со сталинских времён. Сталин в своих речах и выступлениях никогда не говорил об экономике, но о власти над экономикой. И в начале восьмидесятых его партийные наследники озаботились не кризисом экономики, но КРИЗИСОМ ВЛАСТИ: за явлениями нарастающего экономического спада коммунисты — после шестидесяти пяти лет безраздельного правления в России — явно различили мощную и все нарастающую оппозицию своему режиму» [Тимофеев 2000: 223].

Говоря об «оппозиции», Л. Тимофеев, конечно, имеет в виду и явный подъем коррупционного комплекса, и широкое распространение инакомыслия (пусть, и в пассивной форме, т. е. не в противостоянии), и практически общее неверие и недоверие коммунистической системе, и т. п. Началась перестройка, обернувшаяся «катастройкой» (выражение А.А. Зиновьева) советского коммунизма. И вот на рубеже веков автор подводит итоги ельцинским 90-м. «...Вспомним, реформы Горбачева начались ради сохранения власти над человеком, над работником. И власть сохранили. В политике, в экономике распоряжаются те же люди и те же структуры. Но теперь в их руках не столько вожжи политической или административной власти над личностью работника, сколько кнут власти экономической — через монопольно контролируемую систему банков, бирж, ключевых отраслей крупной промышленности. Вполне определилась власть крупного капитала над мелким, экономическая власть крупного капитала над собственником рабочей силы — человеком, работником.

Конфликт между властью и обществом обрёл черты хоть и новые для России, но в общем-то традиционные для рыночной экономики: если общество — как потребитель — заинтересовано в свободной игре конкурирующих производителей, то монопольный владелец крупного капитала заинтересован в полном контроле над экономикой. Потребитель заинтересован в изобилии товаров и услуг, в стихийном развитии производства под напором общественного спроса... но тому, кто монопольно владеет крупным капиталом, вовсе не нужна

неуправляемая экономическая стихия, ему нужно как можно более строго упорядоченное, плотно контролируемое производство и распределение. Конфликт этот имеет отражение и в политических категориях — как конфликт между демократией и авторитарным или даже тоталитарным режимом.

В обществах западного типа обострению подобных конфликтов препятствует мощный, гибкий, замечательно жизнеспособный «средний класс». Этот слой общества — с его неиссякаемыми предпринимательскими амбициями — истинный мотор рыночной конкуренции и основа политической демократии. В сегодняшней России «среднего класса» нет. Планово и целенаправленно его уничтожают всюду, где он мог бы появиться: в виде ли крупного фермерства, или в лице новых предпринимателей в промышленности, строительстве, торговле. Для убийства все средства оказываются хороши: и бандитская налоговая политика правительства, и круговая порука взяточников-чиновников, и социальная демагогия радетелей о судьбах народа» [Тимофеев 2000: 233].

Прокомментируем сказанное Л. Тимофеевым. Да, антикоммунистическая номенклатурная революция (наряду с другими я не раз писал об этом) победила. И бывшие функционеры-бессобственники («пролетарии») захватили «общенародное» имущество СССР в собственность (на разграбление, на самом деле). Ещё в девяностые Г.А. Явлинский поставил точный диагноз: «Ключевой вопрос 1992 года заключался в том, какой путь избрать: освободить старые советские монополии или освободить общество от старых советских монополий? Надо ли полностью освободить коммунистическую номенклатуру от всякого контроля, сказать директорам-коммунистам и коммунистической номенклатуре: вы свободны, делайте, что хотите?» [цит. по: Хлебников 2004: 82].

Теперь о «среднем классе». Сколько ожиданий, надежд, стенаний! И ничего. Не получилось. А ведь, как мы знаем, вернее, ещё много лет назад узнали от таких людей, как Ральф Дарендорф (всемирно-известный британо-германский социолог второй половины XX в.), средний класс есть основа «социальной плазмы». — В свое время Р. Дарендорф, создавая теорию социального конфликта (во многом дискутируя с марксизмом), утверждал, что внимание следует концентрировать не на причинах, а на формах конфликта. Ни в коем случае вообще нельзя посягать на причины конфликтов, так как они суть одна из форм существования общества. Конфликты должны сохраняться. Но поскольку они все же опасны для стабильности и устойчивости общества, их необходимо поместить в некую среду, которая не поглотит их окончательно, но минимизирует разрушительную силу. Конфликты локализуются и перестанут носить интенсивный характер. — Основной элемент этой среды, или «социальной плазмы», и есть, напомним, обширный средний класс. Главные характеристики — сохранение определённого общественного неравенства, наличие различных интересов и воззрений. Важнейшие организационные принципы — институты и процедуры по регулированию конфликтов, внятные правила игры для всех.

А что же у нас?

В известном смысле, современная Россия столкнулась со схожими проблемами (т. е. **такими**, которые вызывают необходимость «социальной инженерии» дарендорфовского типа). Если коммунистический режим был ориентирован на уничтожение причин конфликта (хотя на последней стадии своей эволюции был вынужден смириться с фактом их неизбежности), то нынешний уже не может и не хочет бороться с конфликтами **как таковыми**. Он вынужден существовать в условиях острых общественных противоречий. И потому стремится их минимизировать.

Путинские новации первого десятилетия наступившего века (партия власти, властная вертикаль, сокращение полномочий субъектов федерации, создание президентских округов, административная реформа, изменения в избирательном законодательстве и т. д.) и есть создание русской **плазмы**, в которой конфликты будут протекать, но не разрушать общество. Только если на Западе эта плазма — социальная, то здесь — **властная**. «Властная плазма»

есть принятие конфликта «в себя». Там: его внутреннее сгорание и одновременно — энергетическая подпитка.

При этом, если «социальная плазма» функционирует, как уже отмечалось, с помощью чётких процедур и обязательных для всех правил игры, то «властная плазма» строится на основе коррупции. Именно коррупционный механизм, механизм передела финансовых и материальных средств является важнейшим измерением «властной плазмы». В известном смысле коррупция и есть плазма, в которой протекают конфликты — переделы. Коррупция — это среда, в которой развёртывает себя в пространстве и времени «государство». По всей видимости, сегодня мы проживаем эпоху перманентной коррупции (она пришла на смену эпохе «перманентной революции»), которая не есть девиантность, но норма нашего бытования...

Однако вернёмся к Л.М. Тимофееву. Послушаем его: «В России нет сегодня социальной основы для демократии. Намеренно и расчётливо ей не дают возникнуть. Ее подавляют как раз те силы — явные и тайные, — которые так ловко сумели расстаться с мёртвой коммунистической доктриной, но сохранили право безраздельно распоряжаться всеми богатствами страны. Теперь они хотят не только контролировать экономику, но и в прежних объёмах восстановить свой контроль над обществом. И, видимо, это им удастся. Они многому научились. Они дадут возможность мелким собственникам накормить страну. Они прекрасно понимают, что сегодня прямо и грубо отвергать интересы общества нельзя. Но хотя «человеческий фактор» по-прежнему нельзя изъять из политических расчётов, оказывается, сегодня им проще манипулировать.

Вновь зазвучало: «Отечество в опасности!». Но если прежде опасность была мнимой, то теперь она вполне реальна: развал прежнего Союза, конфликты межнациональные и межгосударственные создают угрозу и самой российской государственности... Экономический кризис грозит непредсказуемыми социальными столкновениями и беспорядками — это ли не реальная опасность для Отечества? Добавим, что национальная «русская идея», пребывающая прежде как бы в состоянии некоей политической дремы, теперь получает священную силу охранительного знамения...

Все! Перестройка успешно завершилась. Цели, ради которых властные структуры начала восьмидесятых годов решились на реформы, теперь достигнуты: экономические и политические связи и структуры, возникшие и укрепившиеся в условиях чёрного рынка, все чаще узакониваются открыто. Искажённые отношения собственности выправляются в процессе приватизации... Какой же режим в ближайшем будущем установят в России... те силы, которые сохранили в своих руках основные структуры государственной власти, сохранили монополию распоряжаться экономикой и контроль над социальными процессами? Судите сами. Можно было бы сказать, что это будет фашизм или что-то похожее на фашизм... Но в истории рискованно давать названия, оперируя опытом прошлого. Если и фашизм, то «нашенский», российский, ещё не виданный в истории человечества, ещё не названный, — фашизм, выросший в процессе легализации всеобъемлющей системы чёрного рынка.

«Человеческий фактор» — это мы с вами. Мы и будем фашистами. Мы и будем до последнего дыхания противостоять фашизму, как некогда противостояли коммунистической доктрине. Каковы будут формы этого противостояния, покажет время» [Тимофеев 2000: 233–235].

Подведём итоги. Когда-то А. Безансон открыл нам: коррупция хотя и болезнь, но через нее, пусть и окольным путём, идёт выздоровление коммунистического общества. Продолжатель его дела Л. Тимофеев показал, что ныне коррупция гробит наш социум, нас с вами. К тому же она может завести страну в ловушку «русского фашизма».

И ещё одно соображение. И при советском режиме, и при нынешнем, постсоветском для их спасения призываются чекисты. Причём по тем же примерно соображениям. Именно они должны восстанавливать порядок, эффективность, справедливость, честность и чистоту, наконец. Поэтому мы с полным правом можем назвать их наиболее эффективным морально-

хозяйствующим субъектом России конца XX — начала XXI столетия. И если коммунистический эксперимент у нас оказался неудачным, то гебешно-фээсбешный проект реализовался на славу (нам и на страх врагам...).

В этой точке нашего «повествования» резко обострим тему. И зададимся вопросом: как же все это преодолеть? Как повергнуть советизм? Отвечу прямо: нанести удар в его сердцевину. Имя её — «Сталин», сталинизм. Иными словами десоветизация это по сути десталинизация. И хватить обманывать самих себя: «Сталин» действительно **пока ещё** не остался в прошлом, но — растворился в будущем. Помните какую «массовидную» ненависть вызвала робкая попытка десталинизации в годы медведевского президентства?

Русский XX век в историко-культурном контексте Зачем десталинизация?

Действительно, зачем? Сталин, его сатрапы, его жертвы, его современники давным-давно умерли. И, как справедливо указывают авторы газеты «Завтра», не Сталин виноват в безобразиях русской жизни последних двух десятилетий. Виноваты, конечно, мы сами.

И всё-таки десталинизация нужна. Если пользоваться большевицко-советскими штампами, то сталинизм есть высшая стадия ленинизма — как империализм капитализма или коммунизм социализма. Высшая стадия в том смысле, что именно в ней в совершенном виде реализуется то, что в первоначальных формах находилось в зародыше, интенции, лишь складывалось.

Что же такое аккумулировал в себе сталинизм (попутно замечу, десталинизация — это, в первую очередь, против сталинизма, а не против Сталина, поскольку он не исчерпывает собою феномена сталинизма)?

1. **Ненависть**, или, как политкорректно говорят сегодня, протестный потенциал. Кого? — Да всех — всех народов, населявших Российскую империю, всех социальных слоев и групп, всех конфессий и т. д. Примеры: ненависть крестьянина к барину, еврея-иудея к статус-кво, рабочего — к фабриканту, буржуазии — к царской бюрократии, стариков — к синодальному православию, культурных черносотенцев — к высоким формам культуры и т. д.

2. **Утопический тип сознания**. Имеются в виду очень прочные в сознании как верхушечных культурных слоёв, так и многомиллионных масс простонародья представления о возможности невозможного. Были бедными — станем богатыми, были в рабстве деспотизма — станем свободными, были в мировой системе отсталыми — станем первыми, старый мир разрушим до основания — и тут же на его руинах построим новый прекрасный, всех умерших воскресим (физически).

3. **Отказ от всех фундаментальных ценностей человеческой истории**, мировой цивилизации — религии, права, собственности, семьи, государства и т. д.

4. **Альтернативное христианскому понимание природы и назначения человека**. Отсюда новая мораль, снимающая с человека личную ответственность за содеянное и предполагающая обязательную презумпцию виновности другого (индивида, социального класса, этноса).

5. **Понимание истории и социальных отношений как исключительно борьбы** — неважно даже каких сил. Борьба — отец всего, — любят цитировать Гераклита сторонники сталинизма. Это означает доведение всякого конфликта, всякого противоречия до конца. Иначе говоря, господство принципа «или-или». И в этом смысле отказ от культуры как «изобретения» человечества для осуществления принципа «и-и» и улаживания конфликтов и противоречий на основе компромисса и в морально-правовых рамках.

6. **Элементаризация или упрощение культурно-социальной действительности**, что предполагает выбор в пользу наиболее примитивных форм решения конфликтов и кризисов, наиболее примитивных ответов на вызовы, которые предлагает современность.

7. ...

8. ... (пусть дополняют другие авторы)

Все это, повторим, соединилось и воплотилось в феномене, который получил название «сталинизм». Можно сказать несколько иначе: это российский вариант агрегации всех этих «элементов». Разумеется, сталинизм в реальных исторических условиях переживал различные фазы своего бытования. То есть он не был в каждый данный момент равным самому себе на все 100%. Но по сути своей он был именно таковым. Сталинизм стал формой превращения сложной и весьма внутренне противоречивой структуры дореволюционного российского общества в общество нового образца.

Основной трагедией русского культурно-исторического типа в XX столетии явилось то, что сталинизм перекрыл все иные альтернативные возможности перехода России к массовому обществу. В начале XX в. Россия состояла из нескольких принципиально разных субкультур, которые особым образом и с неодинаковой скоростью искали пути и формы приспособления к этому типу социума (в социально ключевых регионах мира он уже существовал). Сталинизм навязал себя России как способ перехода к массовому обществу.

Можно сформулировать по-другому: в России был избран этот путь в современность. Я не случайно говорю «в России», а не «Россией», поскольку не вся Россия и не все в России поддержали этот выбор. Соответственно, в ходе сталинизации России был сформирован новый тип человека, которому был присущ весь набор элементов, составивших феномен сталинизма.

Сталинизм в своем пределе и есть создание такого человека. Именно такой тип культуры, социальности и человека Россия представила миру в середине XX столетия. Именно они существуют и сегодня и являются доминантными. И как всегда в России, в отличие от Европы, где форма есть реализация содержания, у нас — операция по его прикрытию. И формы адекватны содержанию именно в этом смысле.

Что это означает на практике? Для того, чтобы войти в современный мир и занять в нем свое достойное место, Россия должна начать процесс постепенного, неуклонного, безотлагательного освобождения от ядовитых эссенций сталинизма. Необходимо отказаться от сталинской псевдомодернизации и найти в себе силы, доступные формы для подлинной модернизации, а на самом деле — нравственно-культурного восстановления (не в смысле реставрации) нормальных ценностных основ, процедур, институтов. Нормальных — в смысле органичных ее истории, апробированных развитием других стран. Возможно, и созиданию новых, ранее не бывших.

Но для этого необходимо, чтобы общество и прежде всего его мыслящие и ответственные группы осознали экзистенциальную необходимость освобождения от сталинизма и экзистенциальную же опасность его удерживания. Задача сложная, но решаемая. В 1941–1942 гг. русский народ спас Россию, в 1956 г. — прекратил сталинизм в его наиболее оголтелой форме, в 1960–1970-е годы в рамках советчины создал основы гражданского общества, в конце 1980-х — начале 1990-х нашёл в себе мужество и умение отказаться от многих краеугольных устоев сталинизма и т. д.

Вместе с тем не следует недооценивать объективную сложность изживания сталинизма. У человечества пока нет опыта **внутреннего** преодоления тоталитаризма (есть, конечно, пример стран Центрально-Восточной Европы, но там тоталитарный строй был насильственно насажден СССР, а освобождение совпало с «возвращением» в Европу, вступлением в ЕС и НАТО). Наша самоэмансипация хоть и является предметом гордости, но таит в себе ряд весьма опасных «субстанций». Так, XX съезд КПСС («русский Нюрнберг») покончил с массовым террором, однако сохранил тоталитарные институты и процедуры. Революция конца 80-х —

начала 90-х смела институты, но дух коммунистического порядка не испарился. Он пронизывает ткань общества, он в нашем поведении, инстинктах, повадках. Ведь декоммунизации, десоветизации так и не случилось...

О новом русском либерализме (а также о консерватизме и о том, в чём особенно нуждается наша страна)

Некий российский политический аналитик недавно заметил: в нашем обществе есть две темы, которые, коснись их, мгновенно вызывают взрыв страстей. Это — Сталин и либерализм (либералы). Видимо, в двух этих словах зашифрован современный русский выбор. Мы вновь на перепутье. И дороги, судя по всему, — две. А не три, как в детских сказках; помните: направо пойдёшь, налево пойдёшь, прямо пойдёшь... (как-то в 85-м гулял с годовалым сыном в Ботаническом саду, прибрели к большому камню, на нем три стрелки в разные стороны, под каждой надпись: «Ленин — жил», «Ленин — жив», «Ленин будет жить»; и, соответственно, три расходящиеся дорожки. Согласимся, сегодняшний выбор побогаче. Хотя путей два). Думаю, между «Сталин» и «либерализм» не проскочить. Третий, «центристский», курс России начала XXI в. заказан. А вот ровно столетие назад был возможен. Тогда было «три России» — черносотенная, леворадикальная и новая (современная, русско-европейская, просвещённая, созидательная и созидающая, трезвая, реформистски-энергичная etc.). Это о ней спустя десятилетия мечтал и сожалел А.И. Солженицын. Нам же в удел досталось «две» России. И в этом главная историческая заслуга «чудесного грузина» (Ильич о Кобе). Ему удалось совершенно органично соединить в непротиворечивое целое безумие и безответственность левых радикалов с самодовольно-тупым «мочиловым» погромщиков. Сделать это было непросто, но «горийский орел» (Б. Окуджава) понял главное, конститутивное в этих ранее враждовавших боевых отрядах: ненависть, насилие, ксенофобия, примитивизация социального, самовлюбленность и т. п.

И потому, — по крайней мере, сегодня, — мы лишены нормального «троичного» выбора. Это — прошу обратить внимание — один из наиболее печальных и негативных результатов большевицкого эксперимента. Структурно мы вернулись к эпохе раскола русской культуры на две враждебных субкультуры (после Петра I). В ходе социальной эволюции, особенно вследствие «великих реформ» Александра II, мы получили троичную систему. К сожалению, в Феврале семнадцатого новая Россия, рожденная в ходе преодоления культурного раскола, внезапно, неожиданно и, по моему мнению, немотивированно покончила жизнь самоубийством (в этой работе эта тема обсуждаться не будет).

Итак, Сталин и(или) либерализм. «Сталин — сегодня» — это современное красно-белое черносотенство, это сплав советизма, русского национал-социализма, мифологически-утопического сознания, геополитических и конспирологических патологий, дуального типа мышления («мы-они»), абсолютного отказа от религиозного восприятия мира (зло в других, но не во мне) с переходом на позиции «сверх человека-мессии» и русской «сверхцивилизации-мессии» (здесь встречаются отечественный «космизм», евразийство и вселенский большевицкий проект). Ну и многое другое, о чем говорить не станем, поскольку и эта тема не есть главная забота нашего текста.

В центре моего внимания либерализм, точнее — новый русский либерализм. И как социальное мировоззрение, и как общественное движение. Но почему «новый» и почему «русский»? — Вот и давайте поговорим — «почему». ...Да, но мы ведь ещё ничего не сказали о либерализме. И действительно ли он единственная альтернатива «Сталину», и что такое он сам по себе? Предлагаю не делать этого здесь; либерализм «раскроется» в ходе обсуждения.

Сейчас же хочу обратить внимание на ситуацию, относительно недавно возникшую в интеллектуальных дискуссиях и перекочевавшую в средства массовой информации. Суть ее в следующем: осуществляется злобное ругательство либерализма и либералов и одновремен-

но — наглая операция по присвоению себе титула «русских консерваторов-патриотов». В целом это одно действие одних и тех же людей. Сторонники «Сталина» в мировоззренческой дискуссии (которую они хотят превратить в бойню) настаивают на принципиальном, коренном различии либерализма и консерватизма. И если первый для них «продажная девка» Запада и символ национальной измены, более того — метафизическое зло, то второй — безусловное добро, на все времена имманентное русской психее.

Но это **абсолютно** не так. Либерализм и консерватизм выросли из одного корня. Это не антиподы, а суть две разные стратегии, направленные к одной цели — устройению человека и общества. Подчеркнём и повторим (это центральный тезис): две разные возможности реализации одной задачи. Поэтому ни исторического, ни субстанциального права на наследие русского консерватизма современные погромно-националистические силы не имеют. (Как в свое время нацистские идеологи не обладали преемственностью по отношению, скажем, к Фихте и романтикам. Апелляция к ним была наглой фальшивкой.) По сути наши новые «консерваторы» прикрывают свою злобную агрессивность и человеконенавистничество плащом классического русского консерватизма. И потому этот плащ следует с них сорвать.

Ещё одно: нынешние сталинопоклонники эксплуатируют важнейшую «интуицию» традиционного консерватизма — пессимистическое видение природы человека. Но у него, как это хорошо известно, оно шло от христианской антропологии, от учения о «первородном грехе» (врожденной греховности человека; либерализм, напротив, гораздо более оптимистичен в этом ключевом вопросе). Как бы мы по-разному ни относились к центральному для христианства положению, оно, если угодно, преодолевается, снимается (в смысле: *aufheben*) фигурой самого Христа и следованием за ним (*die Nachfolge*). У современных русских квазиконсерваторов не «пессимизм» по отношению к человеку, но — ненависть, питаемая дымом Аушвица и льдом Воркуты. Мы должны **это** иметь в виду. Сегодня тема «русский либерализм — русский консерватизм» — это тема ближайшей судьбы нашей родины.

...А теперь снизим уровень пафосности (увы, без нее было трудно обойтись в зачине раздела). Поговорим — вынужденно коротко — о русском либерализме-консерватизме, его особенностях, достоинствах, слабостях, о его возможностях в наши дни.

* * *

С очевидностью мы видим либерализм и консерватизм во Франции начала XIX в. Эти слова впервые произносят, соответственно, Б. Констан и Ф. Шатобриан (тогда же появляется социализм — Сен-Симон, Фурье). Конечно, это «ответы» на политическую революцию во Франции (включая «наполеонство») и промышленную в Англии. Они изменили мир. С них начинается Modernity. Правда, ещё в XVIII в. в соперничестве вигов и тори мы можем обнаружить начатки либерального и консервативного мирозерцаний. Или в философии эпохи Просвещения, или в учении Канта — основы либеральной **идеологии** (кстати, это — идеологии; **идеология** появляется тогда же; все это слом старого христианского мира и мифа; на Западе ранее спорили в рамках христианства или с ним, теперь **вне его**; хотя оно и «включается» в эти споры как одна из сторон). Или у Локка и Бёрка — основы консервативно-либерального подхода.

Россия узнает о либерализме и консерватизме (и о социализме) где-то в 30-е годы XIX в. Здесь следует иметь в виду следующее. Русская политическая мысль практически во всех ее изводах, направлениях формировалась после «инъекции» различных западных влияний. Сначала влияние-заимствование-освоение, затем переработка и, как результат, нечто свое, оригинальное, во многом несхожее с европейским «оригиналом».

К тому же, скажем ещё раз, мы должны помнить: какой-то «абсолютной» разделительной линии между либерализмом и консерватизмом нет. Пример: в блестящей «Истории русского либерализма» В. Леонтовича нашлось место и М.М. Сперанскому, и Н.М. Карамзину. Хотя у последнего репутация отца-основателя русского консерватизма. А в нем было и то, и

другое, что порождало неповторимый склад мысли. Или П.Б. Струве, которого Н.А. Бердяев называл (я полностью согласен) лучшим политическим мыслителем России начала XX в., а о. С. Булгаков при отпевании в храме Св. блгв. кн. Александра Невского на рю Дарю в Париже — «крестоносцем русской свободы», кто он? Либерал, консерватор? И то, и другое. Плюс марксист, просвещённый националист, «государственник» и т. д. Или один из отцов-основателей русского либерализма К.Д. Кавелин? Казалось бы, классический либерал, гуманист 40-х годов, а в конце жизни создал концепцию самодержавной республики, во главе которой стоит неограниченный монарх, опирающийся на систему крестьянских общин и узаконивший запрет частной собственности. С отказом от парламентаризма, конституционализма, «партийности».

Поверхностно и мнение, что либералы были оппозиционерами, а консерваторы защитниками статус-кво. Вновь пример Сперанского и Карамзина. Михаил Михайлович свои либеральные реформы пытался делать руками императора, будучи его «первым министром». А Николай Михайлович критиковал «либеральную» политику Александра I с консервативных позиций. То есть наличное «либеральное» самодержавие отвергалось во имя и от имени аутентичного, идеального, «нелиберального». Иначе говоря, Карамзин находился в оппозиции. Причём сетовал Сперанскому на то, что его реформы могут разрушить исторически складывавшееся «гражданское общество». Хотя известно, что защита «civil society» есть прерогатива либералов. Сперанский же при Николае I составил Свод законов империи. И у него прочная репутация законника, что тоже имманентное «качество» либерализма. Но этот его Свод «заморозил» Россию в законах самодержавно-крепостнического порядка. А принадлежащий перу Михаила Михайловича проект конституции — это дальний предок нынешней с ее «самодержавным президентством».

Схожая «история» со славянофилами и западниками. Первые-де тянули в старину (азитчину, татарщину), были ретроgrадами, а вторые — европейцы, борцы с деспотическим абсолютизмом. Нет, в славянофильстве мы можем обнаружить сильное либеральное начало, последовательную по отношению к постпетровскому самодержавию «гражданскую» («земля») оппозицию, вообще отрицание романовской полицейщины. Напротив, западники (не все, конечно, и не далеко не во всем) нередко тянули к «государственничеству», апологии сильной власти и оправданию «объективности» наличного деспотического порядка.

Говоря о «либерализме-консерватизме», следует помнить об уникальной природе и исторической роли русской власти — о самодержавии. Оно, как известно, не без успеха, не без основания претендовало на то, чтобы быть **всем** (Павел: в России только тот что-то значит, с кем я разговариваю и пока я разговариваю; через 200 лет Путин скажет: я здесь отвечаю за всё), **субстанцией**; остальное и остальные — функции. А коли так, то оно было и консервативным, и либеральным (и репрессивным, и эмансипирующим, и крепостническим, и вольнодумническим, и революционным, и реакционным). Папа и Лютер в одном лице, единственный европеец и единственный (восточный, деспотичный) «азиат» и т. п. Самодержавие проявляло эти свои качества по мере необходимости (т. е. выгоды для себя). Причем и либеральные, и консервативные (и прочие) акции оно проводило с опорой на определенные силы в обществе. Власть всегда находила в нем единомышленников и подельников. Заметим также, что государство на Руси являлось и крупным мыслителем. Не случайно ведь теоретиками почти всех серьёзных преобразований выступали чиновники.

Эта русская особость приводила к следующему. Поскольку власть была **всем**, то не существовало публичной политики как пространства, в котором развёртывается конкуренция и сотрудничество различных **общественных** сил. В результате либералы и консерваторы сталкивались **внутри** государства. Все помнят слова В.О. Ключевского: в России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений. Так, известный конфликт либерального Минфина и консервативного МВД (вторая половина XIX в.) прочитывался как аналог соперничества британских вигов и тори. Но в том-то и дело, что у них шла пряха за власть, а у нас внутри нее.

И ещё одно: ни либералы, ни консерваторы (как, впрочем, ни революционеры, ни реакционеры и т. п.) не поняли эту **синтетическую** природу отечественного кратоса. Как правило, они видели в нем лишь одну сторону; здесь не очень-то и важно, **какую**. Поэтому они или уповали на власть, или объявляли ей смертный бой. Безусловно, в этом была коренная слабость русского «либерализма-консерватизма».

Продолжая эту тему, укажем и на органические, так сказать, естественные «недостатки» классического либерализма и консерватизма XIX — начала XX в. Причём речь идёт не только о наших изводах, но и о западных. Либерал, стремясь к большей свободе, открытости, умножению возможностей человека, уводя от старых болезней, предрассудков, противоречий, ввергал его в круг новых проблем, неопределённостей, столкновений. Реформа решает одни проблемы и порождает другие (прав Ленин: реформа 1861 г. подготовила революцию 1905 г.). Консерватор, имея в виду эту «негативную диалектику», стремился не допустить новых, возможно, ещё более острых конфликтов, сохранял статус-кво, загоняя наличные противоречия в тупик. И тем самым готовил революционный взрыв. — Вот почему в XX столетии западные либерализм и консерватизм существенно изменились, во многом преодолев эти свои врождённые свойства.

Разумеется, трагедией русского либерализма стала Февральская революция. Поведение П.Н. Милюкова в конце 1916 г. (выступление в Думе), операция с отречением и составлением право-нерелевантного Манифеста об отречении (В.Д. Набоков, барон Б.Э. Нольде; в эмиграции они посыпали голову пеплом, но было поздно; кстати, все это прекрасно проанализировано П.Н. Новгородцевым), постепенный уход от власти; разочарование в содеянном (когда в середине 1917 г. Струве был задан вопрос, чему он так радовался в начале марта, тот сказал: «дурак был»). А ведь это было лучшее и практически наиболее подготовленное поколение русской либеральной интеллигенции. Травма оказалась крайне болезненной. Русское сознание ещё не излечилось от нее. «Либерализм» в русском языке имеет скорее негативные, чем какие-либо иные коннотации.

Безусловно, для нас бесценен опыт эмигрантской России. Там продолжалась работа по формированию нового русского мирозерцания. На повестке дня стояла задача синтеза либерального, консервативного, социалистического и христианско-демократического начал. Такой социальной лабораторией стал журнал «Современные записки» (Париж, 1920–1940, 70 выпусков). Историческая ситуация (в России и на Западе) требовала от авторов быть либералами — против тоталитаризма, консерваторами — против тоталитаризма, социал-демократами-социалистами — против извращённых тоталитарных социализмов, христианами — против богоборческих тоталитаризмов и т. д. Струве называл все это философией «середин», новым аристотелианством.

Другой бесценный опыт — внутрисоветский. Это позиция правозащитников. Впервые в русской истории главными стали вопросы **правовые** и защиты прав человека. Так, право из ценности функциональной, операционной превращалось в ценность бытийственную, онтологическую. Произошла «революция сознания». Не идеи справедливости и равенства, а значимость права как единственного и обязательного регулятора жизни стала в центре русской мысли. Можно сказать, что русское сознание окончательно вступило в Modernity.

Но что для нас сегодняшних исторические русские либерализм и консерватизм? Можем ли мы воспользоваться наработанным ими? — Думаю: лишь в **общекультурном смысле**. Впрочем, это касается не только нас, и в других странах так же. Мир стал иным. К тому же классический русский либерализм-консерватизм не знал в полной мере советского коммунизма и двадцатилетнего периода без него. Смысл же этого феномена (либерально-консервативного) в том, что он свидетельствует: русская культура — это очень сложный, «высококачественный продукт», мы не «третьесортная» интеллектуальная сила, мы — «можем». Одновременно его история это и некое нам послание, предупреждение. Старый русский либерализм-консерватизм, как это ни горько признавать, несёт определённую долю вины за то, что

мы провалились в XX века. Речь идёт и о политической ответственности, и об **опасностях утопического сознания**, и о недостаточном знании собственной страны, и о вредности механистической рецепции чужих идей, и о высокомерном отказе от общечеловеческого опыта. Увы, все это было присуще этим замечательным людям.

Теперь мы должны сами выработать синтез современных либеральных, консервативных и социал-демократических идей. Для того, чтобы Россия вновь не разбилась в пух и прах. Б.Н. Чичерин различал три вида (типа) либерализмов — «уличный», «оппозиционный» и «охранительный». Первый он отождествлял с активными действиями «на улице», второй — с радикальным политическим поведением и критикой «правительства», третий — тот самый, «искромый», «спокойный», сочетающий движение вперёд с мудрой ответственностью, с «консервацией» основ гражданского общества (синтез свободы и порядка). С лёгкой руки Бориса Николаевича приемлемым, желаемым признается только либерализм охранительный. — Но сегодня либерализм должен быть всех трех видов. Ему необходимо освоить улицу — **мирные** манифестации, митинги, другие формы «уличной» политики. Улицу нельзя отдавать радикалам, националистам, всяким «буйным». Либерализму необходимо быть массовым и «физически» заметным. Это пространство должно остаться за ним. Одновременно он обязан быть и оппозиционным. В том смысле, что он и есть оппозиция, ему следует занять и это пространство. Власть осознает силу либерализма только тогда, когда он станет синонимом слова «оппозиция». Охранительство современного русского либерализма в том, что он постарается не дать ни самой власти, ни националистически-погромным силам ввергнуть страну в новую кровь; именно на нем лежит обязанность сохранения (с определенным изменением) конституционно-правового порядка. Именно в этом и проявится его консервативная сущность. Больше «консервировать» нечего. Здесь синтез либерального и консервативного.

Мы нуждаемся в либерально-консервативной и одновременно социал-демократической программе. Она должна быть создана. И на ее основе широкое гражданское движение. Подчёркиваю: речь идёт о программе, но не о новой «идеологии» или некоей «идее» (либерально-консервативной, наподобие «русской»). Программа — это ясный, понятный, компактный документ, задача которого сплотить различные социальные группы с отличающимися ценностями, целями и т. д. Но все это люди **современной** (в смысле Modernity) России.

И здесь несколько слов о русской оппозиции. О «системной» мы, конечно, не говорим. С ней всем всё ясно. Хотя отдельные ее представители могут — примеры налицо — меняться. Мы и не о «внесистемной», а просто об оппозиции (правда, сегодня в России «вне» и «просто» практически совпадают). С одной стороны, она у нас, безусловно, имеется. Доказательств в последнее время представлено достаточно. С другой — все говорят (и справедливо) о ее слабой структурированности, отсутствии «настоящих» лидеров, не вполне ясной и чёткой программе и т. п. — Что же может дать нам чаямую оппозицию, как структурировать ее, как точнее артикулировать требования, оформленные в понятную и актуальную программу?

Убеждён: некая ключевая тема. Так всегда было в истории. У первых инакомыслящих — «соблюдайте свою конституцию» (советскую, другой тогда не «стояло»), у более поздних — права человека (правозащитники), у диссидентов-почвенников — вернуть Россию на пути органического развития, у инакомыслящих-социалистов — подлинный (с человеческим лицом и/или ленинский) социализм и т. д. Кстати, и у русского освободительного движения конца XIX — начала XX вв. была тема, скреплявшая все остальные: долой самодержавие. И Февральская революция стала осуществлением этого долгожданного и выстраданного поколениями «долой» (как это ни покажется парадоксальным — сама историческая русская власть тоже поработала над этим «долой»; об этом читайте у Н.М. Коркунова: самодержавие само самоограничивалось и «конституционализировалось»).

Ну, так какую тему мы можем предложить в качестве главной? — **Изменение конституции**. Всего-то, скажут мне. Во-первых, все эти конституционные и вообще правовые штучки для русских не имеют существенного значения. Мы-де нация не правовая и т. п. Во-вто-

рых, она и так имеется в программе оппозиции. Да разве власть пойдёт на это, а у нас пока ещё сил недостаточно.

Однако речь не об этом. Кто же станет спорить с этими возражениями. — Но на что «натякаются» призывы к честным, нефальсифицируемым выборам, к изменению социальной политики государства, к отказу от все более репрессивной политической практики и «бассманного» правосудия? — На власть — полицейски-агрессивную, жёсткую, претендующую на регулирование чуть ли не всех сфер жизни человека и общества. В общем — на власть **самодержавную**. — Что ж, тогда: долой самодержавие? Как и встарь (да, ведь и слышно уже это).

В том-то и дело, что: **нет**. Призыв к свержению (в жёсткой или мягкой форме) царского самовластия имел хоть какой-то *raison d'être*, поскольку эта власть до 1906 г. была сомнительной правовой природы, а в период 1906–1917 гг., хоть и обрела ее, но в полной мере ни царизм, ни общество не осознали этого (если бы «догадались», катастрофы не произошло бы). — Сегодняшнее самодержавие — президентское — на 100% имеет конституционную, т. е. правовую природу. Однако ведёт себя по преимуществу как вотчинный царёк пяти-сотлетней давности. Правда, используя современные политические, информационные и прочие технологии. — И тем не менее это — власть, повторим, конституционно-правовая. Потому — не «долой».

Тема правового изменения, конституционной трансформации должно быть поставлена в центр оппозиционной программы, быть ее «гвоздём». Власть необходимо «укротить», лишить ее тотальных потенциалов. Россия, чтобы вновь не опрокинуться навзничь, нуждается в переходе от монархической системы к полиархической (кстати, одним из вариантов является конституционная монархия, но нам ещё до такой модели расти и расти). В этом историческое содержание современного русского «транзита».

Вторая тема: права человека. Это, напомню, наследие правозащитников, высочайшее достижение русского ума и мужества 60–70-х годов XX в. (разумеется, она связана с первой, более того, первична по отношению к ней, но с точки зрения политической рациональности и логики должно идти вторым номером). **Третья** тема: правдивый анализ прошлого. В ФРГ на нем была построена вся денацификация (в широком смысле слова, не только правовая). Почему это так важно? Даже неотвратимо? Современный режим, безусловно, имеет опору в широких массах (здесь не важно, что поддержки разных социальных групп, слоёв разные — и по силе, и по мотивации). Важнейшей составляющей частью этой опоры является неадекватное представление о прошлом, которое с помощью СМИ внедряется (с успехом) в общественное сознание. Более того, режим находит свою легитимацию именно в этих представлениях. Следовательно, необходимо неправде противопоставить правду. Нужен убедительный, ясный, мужественный мессидж обществу. Практически это должно сопровождаться активной просвещенчески-воспитательной работой. Скажем, создание по всей стране сети центров, семинаров и пр. **Четвёртая** тема: ясное самоопределение России в мире. Это внешнеполитическая тема, но и не только. У П.Б. Струве есть работа 1908 г. («Великая Россия»), в которой он весьма убедительно показывает, **как** внешняя политика государства определяет его внутреннюю политику. Это была, понятно, неожиданная позиция, вразрез с общепринятой. Но, конечно, Струве прав (это не отменяет правильности и общепринятой). — Заметим, как меняется наша внутренняя политика **вслед** за внешней. Так вот мы должны определённо заявить: каков внешне-политический вектор России. С какими цивилизациями нас объединяют ценностные основы, с кем нам стратегически выгодно союзничать? Думаю, ни у кого сомнений нет: при всех наших сложностях и особенностях это евроатлантическая ориентация. Пора заканчивать всякие игры с «восточничествами». Такой подход не отменяет элементов «Realpolitik», не настраивает нас против Китая, исламского мира и т. д. — Не менее существенной частью нашей ориентации является позиция по наследию СССР, СНГ и т. д. Что мы здесь хотим и можем? Главное — Украина.

В этой программе также должно быть сказано, что именно необходимо преодолеть. — П.Б. Струве гениально заметил: на Западе идея социализма — регулирование в условиях перепроизводства и совершенно несправедливой, по сути разрушающей основы общества системы распределения-потребления. На историческую сцену является социал-демократия, профсоюзы и кейнсианство. Они упорядочивают рынок, минимизируют его издержки, делают государство социальным, профсоюзы важнейшим субъектом политики etc. В то же время «недостатки» социализма купируются господством частной собственности, рыночной конкуренции, политической и экономической мощью капиталистического класса. Национализация и приватизация становятся двумя разными сторонами одной медали. Но не социальной альтернативой.

В Россию, говорил Струве, социализм пришёл регулировать народное хозяйство в условиях дефицита. Это, кстати, весьма обычный для русской истории способ. Понятно, что черносотенец Сталин годился для этого дела больше, чем международные авантюристы Ленин, Троцкий, Зиновьев. Вообще для Русской Системы дефицит — норма, а не «слабость». Она может функционировать в условиях вынужденной «диеты». Накопление потребительского жирка усложняет жизнь Системы, поскольку за этим следуют: а) рост ожиданий (потребительских запросов), и как бы эти запросы ни удовлетворялись (хуже, лучше), они всегда превышают получаемое; аппетит приходит во время еды, тогда и начинают говорить о дефиците; при Пахане помалкивали, там на кону была жизнь, а не живот; в **этом** смысле проще было; здесь корни сталинолюбия нынешней Популяции; б) усложнение всех сфер и отношений социальной жизни, появление новых общественных сил, интересов; запрос на информацию, изящные искусства, спорт, туризм, самодеятельность и самостоятельность; отсюда рукой подать до инакомыслия и инакоповедения; а по пятам за всем этим крадётся «разврат»; недаром и Замятин, и Оруэлл «разлагали» тоталитаризм с помощью эротизма.

Гайдар-чубайсовский капитализм 90-х — это отказ от регулирования в условиях дефицита. Пусть само **все** образуется. На деле это оказалась «прикрытием», за которым последовало молниеносное обогащение кучки властителей и проходимцев. При этом на «дуван» кинулись не только «жадной толпой стоящие у трона», но и многомиллионные массы (не все конечно) бывшей «новой исторической общности». Им, правда, досталось немного, либо вообще ничего. Однако здесь важна сама интенция — «сарынь на кичку».

Когда передел — в общих чертах — достиг определённого насыщения (заметим: русский социально-хозяйственный передел никогда не останавливается; это к нему удивительно подходит: «движение всё, конечная цель ничто»; если когда-нибудь «конечная цель» станет реальностью, то закончится русская общественная реальность; останутся одни «реальные пациенты», а это, при всей их завораживающей брутальности-вitalности, маловато для социальной жизни), явился В.В. Путин. На смену толстому мальчику Тимуру (Егору) и его команде пришёл ленинградский паренёк с рабочей окраины («за фабричной заставой, где заматы в дыму, жил парнишка...») с отрядом чекистов-международников. Советская власть выучила и дала все, что могла, этим детям рабочих. И они остановили совершенно безответственный грабёж родины. Они приступили к делу ответственно. Путинская система — это комбинация регулирования и рынка в условиях дефицитарно-бездефицитарной экономики. То, что имеется в наличии (включая и наличку), подлежит регулированию. В смысле перераспределения в пользу регулировщиков. То, чего в наличии нет и что «составляет» дефицит, оставлено, как и в 90-е, «рыночной стихии». Там ему место.

В высшей школе моё (и не только моё) поколение учили: социализм придёт вслед капитализму, как его отрицание. И это так. Свидетельствую: я жил в обществе, которое отвергло капиталистический (демократически-рыночный) уклад в пользу социалистического гибрида тюрьмы, казармы и санатория. Но затем произошло неслыханное. Советский социализм породил в качестве высшей своей фазы не коммунизм (здесь Энгельс и Суслов ошиблись), а капитализм. Который вырос из социализма — психологически, нравственно, структурно, ор-

ганизационно etc. Более того, этот новый русский капитализм не утратил и своей социалистической субстанции. Ещё более того, путинский капитализм-социализм, подобно западному устройству, — медаль с двумя сторонами. И никакой социальной альтернативы капитализм и социализм в России начала XXI в. собой не представляют.

Одно отличие от Запада: там социал-демократический капитализм работает на бóльшую часть общества (средний класс, «социальная плазма», по Р. Дарендорфу), здесь социалистический капитализм — на меньшую (верхи и их прислужников, «властная плазма», по моей терминологии). — Должен сказать: путинская модель устойчива и непротиворечива. — В свое время русская история нашла свою формулу в самодержавно-крепостническом — общинно-передельном режиме. Самодержавный царизм закабалит население России, поместил его в формат общины, где шёл перманентный передел земли. Это был эффективный способ процветания верхушки за счёт народа, который стал своим, привычным, органическим делом — кормить дворян и отправлять передел. — Сегодня в России сложилось типологически сопоставимое. Самодержавное президентство «поместило» население в формат перманентного «рыночного» передела небольшой материальной субстанции в условиях денежного дефицита. Население вновь занято привычным делом. Та же его часть (все не нужны), которая необходима для обеспечения процветания «властной плазмы», мобилизуется ею и сносно оплачивается. Мы вернулись к знакомой диспозиции: самодержавие (бесконтрольная власть), опирающееся на передел. Или иначе: передел как основной социальный процесс и инстинкт, «обеспечиваемый» самодержавием. Подобно христианской Троице они единичны, но не слиянны.

Таковы итоги русской политэкономии в начале десятых годов XXI в.

И это-то мы должны преодолеть... Но как?

О конституционных противоречиях

В общем волей-неволей мы пришли к вопросу о конституции. После ее принятия в 1993 г. я постоянно (письменно и устно) утверждал, что этот продукт нашей политико-юридической мысли вполне органичен для русского исторического развития и одновременно адекватен нынешнему состоянию общества и институтам власти. Действительно, эта Конституция 1993 г., в значительной мере, есть продолжение проекта М.М. Сперанского, «Основных государственных законов Российской империи...» 23 апреля 1906 г. и проекта российской конституции, которые готовили юристы Временного правительства к Учредительному собранию. Адекватность же этого продукта заключалась в том, что предложенная правовая конструкция позволяла уйти от «вечного проклятия» русской политики — двоевластия. Это самое двоевластие неоднократно в русской истории, особенно в ее переломные моменты, угрожало самим основам общества. И ситуация 1992–1993 гг. наглядно это подтверждала.

Кроме того, я полагал, что сверхпрезидентская система правления (президент, поставленный над системой разделения власти) хотя и является, с европейской точки зрения, нонсенсом, у нас вполне честно и точно фиксирует реальное положение дел. И это «грубая» и «наглая» правда казалась мне честнее псевдодемократической псевдопарламентской лжи системы двоевластия, которая сложилась у нас в первые два послесоветских года.

Но вот прошло двадцать лет с момента принятия Основного закона. Россия находится в тяжелейшем политическом кризисе, который, разумеется, есть «отражение» и кризиса общесоциального, и экономического, и ментального и т. д. «Отражение» в том смысле и потому в кавычках, что, собственно говоря, Россия переживает просто общий кризис, а не какой-нибудь частичный. Но наиболее ярко и отчётливо проявляется он в политико-правовой сфере. И вот почему.

Конституция Сперанского и «Основные законы» 1906 г., скроенные по лекалам Михаила Михайловича, вполне подходили для России XIX столетия. Однако уже в начале XX в.,

конструкция Сперанского отчасти устарела. В этом, кстати, одна из причин катастрофы 1917 г. Но сейчас мы не о прошлом — о настоящем. Хотя, по-видимому, анализ сегодняшней ситуации поможет нам лучше понимать и события почти столетней давности.

Итак, Конституция 1993 г. есть «римейк», в основном и в целом, конституционных идей и практики дореволюционной России. В особенности это касается организации функционирования власти. Главное сходство конституций 1906 и 1993 гг. (и в то же время главное отличие от основных законов европейских стран) заключается в поставленной над системой разделения властей фигуре императора — президента. Но между двумя русскими конституционными текстами XX в. существует и громадное (метафорически, можно сказать, бесконечное) различие, которое, должен признать, я совершенно не принимал во внимание. Хотя все это лежит на поверхности.

В Конституции 1906 г. суверенитет принадлежит императору: Он есть источник всей и всякой власти, всех и всяких законов в стране. В Конституции 1993 г. суверенитет принадлежит народу, т. е. не президент, как ранее император, а народ является источником власти и законов. Таким образом, внешне, формально схожая конструкция власти на поверку оказывается «лишь» прикрытием совершенно отличных друг от друга сущностей.

Не удержимся и все-таки скажем несколько слов о «лжи» Конституции 1906 г. В ней, как мы помним, появляется законодательное учреждение — Дума, которая, хоть и в ограниченных объёмах, но управляла страной через процесс законодательствования. Ко всему прочему Дума избиралась — пусть и не на основе всеобщего и равного права, но избиралась. А это означало, что она имела современно-демократическую легитимность. Следовательно, в политико-правовую конструкцию России 1906–1917 гг. были «втиснуты» два прямо противоположных друг другу института и принципа.

Первый — императорская власть, обладавшая суверенитетом, т. е., повторим, монополично владевшая источником всех властей и законов, иначе говоря, сама и бывшая этим источником. Имевшая также все мыслимые виды легитимностей: сакральной (от Бога), «демократической» (Романовы избраны на царство Учредительным Земским Собором 1613 г.), исторически-преемственной (правили страной более 300 лет) и формально-юридической (закон о престолонаследии Павла I). Основные законы 1906 г. закрепляют все эти типы легитимности в конституционном тексте современного образца. Тем самым придают ей ещё один вид легитимности — конституционно-правовой.

Второй — Дума, имевшая демократическую легитимность, т. е. по избранию, конституционно-правовую (по Основным законам) и издающая общеобязательные для всех без исключения россиян законы. Если к этому добавить, что в рамках тогдашнего законодательства Российской империи Судебный Сенат — высшая судебная (кассационная) инстанция — обладал правом принимать решения, которые никем, включая императора, не могли быть обжалованы, то получается, что Дума плюс Сенат составляли вместе систему власти, потенциально альтернативную императорской. И хотя юридически в рамках Основных законов 1906 г. императорская власть была сильнее, чем «законодательно-судебная», социальный расклад, т. е. ситуация в обществе, менялась явно в пользу новой системы власти. Это сознавали и представители традиционной императорской власти, и сторонники новой, парламентско-судебной.

Недаром В.А. Маклаков в своих воспоминаниях [Маклаков 2006] назовет Конституцию 1906 г. историческим компромиссом между короной и обществом. Так оно и было. Но сама Конституция явилась не только юридическим воплощением этого компромисса, но и одновременно возможным потенциальным источником нового взрыва. То есть февраль 17-го был юридически заложен в Конституции 1906 г. Другое дело, что можно было этим источником и не воспользоваться. Но для нас главное не это — не выяснение причин Февраля, а то, что Февраль был «запрограммирован» творцами Конституции 1906 г. И именно Временный комитет IV Государственной думы уничтожил императорскую власть.

Этот краткий исторический экскурс предельно важен для понимания сегодняшнего положения дел. В Конституции 1993 г. «запрограммирована» ситуации сегодняшнего дня. Мы должны это отчётливо представлять себе. «Мы» — это и сторонники власти, и ее оппоненты. — Но что же произошло с нашей нынешней Конституцией в течение двух десятилетий ее существования? Отвечая на этот вопрос, уместно вспомнить мысль классика политической и конституционной мысли XX в. М. Дюверже: в рамках всякой конституции заложены потенциальные возможности для существования различных политических режимов. Это означает, что нормальная современная конституция (российская в целом является таковой) предполагает вариативность политического развития. Вместе с тем и ограничивает его неким коридором возможностей. В силу различных, но совершенно реальных социальных и прочих причин все три российских президента (Ельцин, Путин, Медведев) — разумеется, с разной интенсивностью и последовательностью — резко ограничили, так сказать, демократические, либеральные возможности Конституции и усилили властно-авторитарные. При этом, используя свои практически неограниченные полномочия (по той же Конституции), они произвели ряд принципиально недемократических и даже отчасти антиконституционных (по духу) нововведений, естественно, закрепив их юридически.

К чему же это привело? К крайне резкому обострению конфликта между принципом суверенитета народа и почти неограниченной властью президента, к превращению законодательных, исполнительных и судебных органов власти в некие комиссии при президенте. При этом мы лично не виним никого из трех российских президентов. Это совершенно разные люди (разных биографий, возрастов и т. д.). Объединяет их лишь одно (включая даже молодого Медведева) — это советские люди. Советский же человек органически, экзистенциально воспринимает власть как насилие (в жёсткой или мягкой форме — это неважно), социальное согласие (консенсус) — как то, что все согласны со мной, объективный социальный конфликт — как заговор «тёмных сил» против меня и олицетворяемой мною правды, наличие чужого мнения — как проявление крамолы. Надо сказать, что этими качествами отмечены в той или иной степени не только наши высшие должностные лица, но и практически все мы с вами. В этом ещё одно фундаментальное противоречие современного отечественного социума — между демократической политико-правовой системой и недемократическими «акторами» (это касается и оппозиции).

Вернёмся к конституции. Основой всякой демократии являются выборы. Именно в выборном процессе и реализуется народный суверенитет. Практически уничтоженные выборы не дают народу реализовать это свое главное социальное право. Следовательно, наличная политическая система, выросшая из авторитарных потенциалов конституции (и отказавшаяся от ее демократических потенциалов), не оставляет места для оппозиции. Всякое, в том числе российское общество основано на конфликте интересов. Это признак любого живого социума. И всякое общество, чтобы не саморазрушиться, создаёт институты и процедуры, в рамках которых происходит конкуренция и согласование этих конфликтных интересов. В первую очередь имеются в виду, конечно, представительные учреждения. К сожалению, нынешняя российская политическая система не оставляет ни единой возможности для реализации иных, не господствующих интересов.

Ещё раз об оппозиции. В современном русском политическом языке существуют два ее определения — системная и несистемная. Что касается «системной», то она олицетворяется партиями, допущенными в Думу. Именно «допущенными», поскольку их судьба зависит от Власти. Это касается и коммунистов, с их довольно широкой социальной базой и хорошей организацией. Но если бы Власть по какой-либо причине решила элиминировать КПРФ из властного пространства, несомненно, это задача была бы — так или иначе — выполнена. Это означает, что КПРФ, СР и ЛДПР имеют по преимуществу властную легитимность. Другими словами, они «в системе» по разрешению начальства. Хотя, конечно, реальная жизнь сложнее моделей, «идеальных типов». И совокупная легитимность «допущенных» — конечно, в раз-

личных пропорциях — включает в себе и легитимность «от народа». Но определяющей, господствующей является, вне всякого сомнения, властная.

Тогда можно ли полагать «системную оппозицию» оппозицией по своей сути. Нет, нельзя. Дело в том, что оппозиция не может быть назначена. Право на этот «титул» завоёвывается в борьбе за голоса избирателей, а не за «разрешение» властителя. Далее оппозиция противостоит в парламенте не Власти, а другой партии (партиям). В последних трех Думах доминирует «Единая Россия». Это не партия, а думский псевдоним Власти, приводной ремень Власти, порученец Власти и т. п. И «системная оппозиция» допущена оппозиционировать этому властному порученцу. Все они — ЕР, КПРФ, ЛДПР, СР — поют по одной партитуре, написанной в одном месте. В общем и целом наша партийно-политическая система, наш парламент суть подделки. Но — абсолютно необходимые для Власти. — Тогда почему? И зачем ей эта «палёная» политика?

Советская власть, а наша, безусловно, советская по своей природе, инстинктам, повадкам, разводкам, отбросила коммунистическое обличье, требуху, прикид, однако осталась властью-монособъектом, властью-насилием, властью-полицейским, властью-«отцом-родным», властью-«строгим учителем» и проч. Так вот эта самая советская власть, если вспомнить ее историю, всегда имела оппозицию. Сама ее конструировала, «назначала», а затем и поедала. Оппозиция была тем, что поедается в ходе жертвоприношения. Иным языком: внутренним источником питания. — Ныне советская власть тоже нуждается в оппозиции. Но не для жертвоприношения и постоянной подпитки витальностью. Изменились «очередные задачи» советской власти. Она нашла себе иные жизнетворящие источники, отказалась от всех этих людоедских жертвоприношений. Стала более современной, «цивильной», гедонистичной. Однако без оппозиции все же не может. «Системная» призвана быть «операцией прикрытия». Ну, как миролюбивая внешняя политика бывает прикрытием наглых, авантюристичных империалистических замыслов.

Фальшак системной оппозиции в том, что она никогда не сможет стать властью. Не предусмотрено. Место занято. — И в этом смысле нынешняя русская политическая система есть закрытый клуб, куда не допускают несистемных (не возвращённых или прощённых властью) и где все функционирует по мановению палочки дирижера-председателя.

Что же, спрашивается, делать остальным, нам? — Тем, которые всерьёз полагают, что всякая власть от народа, что народный суверенитет основа жизнедеятельности русского общества. Что Конституция (и система права) единственный регулятор политики, экономики, всего общества. Что мы правовое государство, а не посткоммунистические расконвоированные зеки в полицейско-авторитарном посёлке-поселении. Что нам нет места в наличной властно-политической системе.

Возможны два варианта развития событий. Либо общество и власть договорятся об изменении Конституции и приведении ее в соответствие с принципом народного суверенитета, либо в России в той или иной форме начнётся гражданская война. Значит, остаётся единственный путь — изменение Конституции. При этом надо иметь в виду, что если в поисках нового, более совершенного и адекватного политико-правового устройства хотя бы потенциально будет возрождена конструкция двоевластия, мы вновь заложим мину замедленного действия. Ревизия действующей Конституции не есть только перераспределение власти в пользу законодательных и судебных органов, не только «вписывание» института президента в систему разделения властей. Это сложная и тонкая работа по созданию очень дифференцированного, извиняюсь за тавтологию, очень сложного механизма сдержек и противовесов. Но перед нами богатейший мировой опыт, богатейший опыт наших собственных успехов и провалов.

* * *

Не убеждён, что мы — впрямую и окольными путями — сумели найти объяснение действиям властей в отношении Академии наук. Непостижимо, нерационально, опасно. Действительно: «...A riddle wrapped in a mystery inside an enigma» (У Черчилль о России)... Но думается, кое-что все-таки стало яснее. Главное же — советское **должно** быть преодолено. Пусть этот процесс и окажется долговременным. Предупреждал ведь А.И. Солженицын: «Все народы Советского Союза нуждаются в долгом выздоровлении после коммунистической порчи, а русскому народу, по которому удар был самый истребительный и затяжной, нужно 150–200 лет выздоровления, мирной национальной России» [Солженицын 1981: 323]. Добавлю только: удар мы нанесли сами по себе. И ещё одно важнейшее соображение Александра Исаевича необходимо намотать нам на ус. «Соотношение между ними («русским» и «советским» — Ю.П.) такое, как между человеком и его болезнью» (Солженицын 1981: 306). Это его послание тем — а голоса их всё громче, — кто в той или иной форме, с теми или иными целями стремится «оправдать» советское (так сказать, все действительно разумно).

В заключение — «надеюсь, что написал без предрассудков, но не претендую на беспристрастность» (А. Токвиль).

Безансон А. 1998. *Советское настоящее и русское прошлое*. — М.

Борисов Н.С. 2011. *Возвышение Москвы*. — М.

Зимин А.А. 2001. *Опричнина*. — М.

Коллинз Дж. «Мы обменивались информацией с Ельциным, но не помню, чтобы предлагали укрыть его в американском посольстве» (Интервью). — *Совершено секретно*. — М., 2011. — Август, № 8/267.

Лотман Ю.М. 1994. *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)*. — СПб.

Маклаков В.А. 2006. *Воспоминания: Лидер московских кадетов о русской политике 1880–1917*. — М.

Манн Т. 1961. *Собр. соч. Т. 10*. — М.

Морен Э. 1995. *О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя*. — М.

Солженицын А.И. 1981. *Публицистика: Статьи и речи*. — Париж.

Солженицын А.И. 1998. *Россия в обвале*. — М.: Русский путь.

Струве П.Б. 1911. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм*. — СПб.

Тимофеев Л.М. 2000. *Институциональная коррупция: Очерки теории*. — М.

Фицпатрик Ш. 2001. *Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: Город*. — М.

Хлебников П. 2004. *Крестный отец Кремля: Борис Березовский, или История разграбления России*. — М.

Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. — М.: Экономика.

Nye Y. 2011. *The Future of Power*. N.Y.